

ЦЕРКОВЬ С БОЛЬШОЙ И С МАЛЕНЬКОЙ БУКВЫ

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ	1
I. СОР В ИЗБЕ	1
II. ПО ПОНЯТИЯМ	3
III. ЧТО ВИНОВАТО	6
1) в общем искажении земной церкви?	6
2) в разделении церкви?	6
3) в церковно-государственных трагедиях?	7
4) в оковах современной организации?	15
5) в кризисе положительного религиозного стимула?	31
IV. ЧЕГО НЕ ДЕЛАТЬ?	38
1. Не зарывать свой светильник.	38
2. Не оттолкнуть маленькую букву.	39
3. Не обещать в Новом Завете.	41
4. Не убоиться обьявления.	46
5. Не устрашиться обновления.	51
6. Не поклониться власти.	56
V. В НАДЕЖДЕ	57
ПРИЛОЖЕНИЕ I	58
ПРИЛОЖЕНИЕ II	61
ПРИЛОЖЕНИЕ III	63
ПРИЛОЖЕНИЕ IV	65

I. СОР В ИЗБЕ

Воспринимая на слух, произнося или обнаруживая в каком-то тексте слово «церковь», как впрочем и многие другие слова, наше сознание невольно воспроизводит в себе те или иные собственные представления, образы и ассоциации, связанные с этим словом. Для кого-то это – просто знакомый храм, который он постоянно видит перед глазами и даже заходит туда, для кого-то – некая консервативная организация, обслуживающая одни потребности человека и мешающая обслуживать другие, для кого-то – способ получить хорошую участь на том свете и т. д. Разумеется, представления могут и должны определяться контекстом употребления данного слова. Но иногда между людь-

ми случаются споры о церкви, заведомо уходящие в тупик просто из-за различных пониманий предмета спора. Нередко можно услышать примерно такой тип диалога:

– Церковь свята и непорочна...

– Вы что, серьёзно? Да откройте же, наконец, глаза: ведь это просто сплошной набор бескультурия и мракобесия, переплетение человеческих пороков и комплексов, скрывааемых за лицемерной моралью и обещаниями потусторонних благ.

– Ну, конечно, у членов Церкви бывают какие-то человеческие слабости: из-за них случаются всякие негативные явления в церковной среде, но это нисколько не умаляет величия Церкви как таковой, её значения в духовной жизни на пути нашего спасения.

– Но ведь так большевизм и фашизм можно оправдать: ну да, мол, были перегибы из-за грехов некоторых коммунистов и фашистов, а в целом, в своей основе это величайшие идеологии человечества. Простите, но церковь – это тот же большевизм, просто в несколько ином идеологическом «прикиде»: общих элементов у неё с ним хоть отбавляй.

В такого рода диалоге каждая из сторон, как видно, опирается на своё давно сформировавшееся представление о церкви и каждая оказывается права именно в рамках этого собственного представления. Ведь если у человека слово «бог» ассоциируется исключительно с бегающим по облачкам старичком с картинок Жана Эффеля, то он вполне прав, заявляя, что такого бога нет и быть не может. А уж почему у него о Боге сложилось именно такое, а не иное представление – тут, разумеется, совсем другой вопрос. Поэтому подобные человеческие стереотипы, как ни странно, вполне соотносимы друг с другом, и при желании можно будет обнаружить их обоюдное размещение на различных ступенях единой шкалы истины.

Этому, собственно, и посвящена предлагаемая работа, задуманная нами в качестве своего рода дополнения к вышедшей в 1994-м году замечательной книге прот. Александра Борисова «Побелевшие нивы», а также появившимся совсем недавно трудам иерея Павла Адельгейма «Догмат о Церкви в канонах и практике» и монахини Н «Плач третьей птицы». В этих сочинениях, значительно превосходящих по объёму наш очерк, некоторые вопросы получают гораздо более полную развёртку и панораму иллюстративного материала. Здесь же мы собираемся лишь вкратце коснуться, на наш взгляд, особенно болезненных церковных проблем, несколько изменив ракурс пресловутой, но до сих пор реющей над нашим менталитетом диады русских вопросов: «кто виноват?» и «что делать?».

Во-первых, хотелось бы напрочь обезличить причину, дабы не усугублять её следствия. Здесь ни одного имени не будет названо в критическом контексте. Во-вторых, вопрос о деятельности, как нередко оказывается, сам собой проясняется, когда человек просто избегает т. н. самочиния или отсебятины в лихорадочных и поспешных рывках. В этом случае мы просто не мешаем Богу Самому спасать и улучшать ситуацию, органичным образом направляя человека в русло правильных шагов: «Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать, ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас» (Мф. 10, 19-20). Следовательно, прежде чем начать что-то делать с желанием сотворить волю Божию и по наитию свыше, требуется выяснить, чего же именно нельзя делать, чтобы не воспрепятствовать таковому наитию. Поэтому две общие категории заостряемых здесь вопросов у нас формулируются следующим образом: «**что виновато?**» и «**чего не делать?**». Разумеется, что все попытки ответов на эти вопросы являются сугубо частным мнением служителей Церкви, которое ни в коем случае не претендует на какую-то всеобщую церковную позицию: таковой на сей день пока ещё просто не существует.

Спрашивается, а не чреватые ли такие открытые рассуждения о церковных неустройствах выносом сора из избы? Думается, нет, поскольку в данном случае изба, о которой идёт речь, и так для всех открыта, да иначе и быть не может по изначальному предназначению церкви. Так что все издержки и отработки человеческого хозяйства бросаются в глаза почти каждому, не только заглянувшему за дверь, но и приближающемуся к двери. Суть в том, чтобы входящие в эту избы, да и проживающие в ней не путали сор, копоть и пыль с мебелью, люстрами и посудой, находящимися в её помещениях, а громадную кучу мусора перед избой – с самой избой.

Вторым предлогом начать разговор о недомоганиях нашего церковного организма можно считать опасения перед уроками как церковной, так и государственной истории. Оставшись неувоенными, эти уроки народных бедствий и катастроф, во многом или даже полностью обусловленные искажениями религиозной жизни, закономерно угрожают нам ещё более суровым повторением. Имеются в виду прежде всего трагедии Израиля, Византии и России. И наконец, третьим стимулом предлагаемых здесь рассуждений о церкви стала недавно начатая письмом десяти академиков полемика о взаимоотношении религии с наукой и их роли в жизни государства.

В целом содержание очерка и его лексика рассчитаны как на церковного, так и не церковного читателя, которого в какой-то мере интересуют вопросы обозначенной проблематики. Три выше обозначенных её аспекта поневоле делают несколько эклектичным жанр работы. Здесь прослеживаются элементы богословско-философского эссе, нравственной беседы и даже проповеди, а также чего-то, вплотную подходящего к фельетону. Сравнительно детализированные развёртки, иллюстрирующие подход к некоторым вопросам, в основном касающимся диалога с т. н. научным мировоззрением, вынесены в приложения и написаны соответственно более наукообразным языком. Конечно, можно было бы уложить текст в рамки какого-нибудь одного жанра, но в таком случае нивелируются некоторые смысловые обертона, на что авторы пойти не захотели.

II. ПО ПОНЯТИЯМ

Хотя в академическом понимании это вовсе не богословское сочинение по экклезиологии, но всё же далее нельзя будет обойтись без некоторой формализации узловых понятий и методов изложения. К тому же и сам заголовок уже настраивает на осмысление неких двух значений в понятии христианской церкви, а, значит, в самом начале желательнее будет представить их определения.

Итак, обратимся к толковому словарю. Самый простой и внешний смысл слова «церковь» – храм, строение для молитвенного собрания людей. Пишется это слово, разумеется с маленькой буквы, но рассматривать его в дальнейшем не имеет никакого смысла, поскольку никого оно не озадачивает. Иное значение того же слова, которое так же есть резон сразу вынести за скобки обсуждения, связано с понятием самостоятельности управления религиозной организации, т. е. некоего юридического лица на международной арене: Русская Православная Церковь, Сербская Православная Церковь, Римско-Католическая Церковь, Лютеранская Церковь и т. д. В данном случае употребление заглавной буквы вызвано не столько главенством смысла слова «церковь», сколько требованиями языка к написанию названий особо представительных административных учреждений. Но тут опять-таки всё достаточно понятно и отнюдь не дискуссионно. А затем естественно возникает вопрос о самом высшем значении обсуждаемого понятия. Таковое, разумеется, существует и актуально для каждого христианина. Однако вокруг него до сих пор не утихают богословские дискуссии, причём почти все современные бо-

гословы сходятся во мнении, что известное катехизическое определение Церкви как «общества верующих...» (т. е. людей) неприемлемо. Оно не включает в себя ни сонма праведных душ в ином мире, ни ангелов, принадлежащих Церкви, а также не указывает на характерную особенность органичности и единства самого общества. Кто-то даже скептически полагает, что вербализация понятия наивысшего аспекта Церкви вообще невозможна. Тем не менее здесь хотелось бы без комментариев всё же привести таковое определение: **Церковь есть органическое единство во Христе всех разумных существ (людей и ангелов), устремлённых к Богу свободной волей.** Греческий термин *эклесия*, соответствующий понятию церкви, можно перевести как *собрание отделившихся*. И в данном случае, как нетрудно догадаться, имеется в виду отделение от всякого зла и греха. Естественно, что в подобном значении слово «Церковь», в отличие от значения административного хорошо было бы записать с какой-то особо крупной буквы, но поскольку русская лингвистика таковых не предлагает, то приходится довольствоваться обычной заглавной. Вот именно к этой нерукотворной Церкви, включающей в себя, в том числе, и всё, что проявляет собой образ Божий в человеке, приложимы определения «святая и непорочная».

Простите, а кто же видел эту самую *Церковь с большой буквы*? Так, например, патриарха, синод, священников, храмы, верующих и всё прочее, относящееся к православной религии и вместе называющееся в обиходе церковью, можно увидеть, услышать и потому обо всём этом говорить. Что же касается какого-то идеального единства каких-то идеальных существ, так ведь тут, скажут, прежде поверить нужно во всё это.

Скажут – и будут совершенно правы. Но точно так же для разговора о Боге или даже о человеческой душе требуется вера в то, что за всем видимым материальным миром стоит его Творец, а за видимым человеческим телом скрывается то невидимое, что называется душой. Без такой веры разговор об этом лишается всякой предметности и смысла, как впрочем и любой другой разговор о том, в существование чего кто-то из собеседников просто не верит (см. [приложение I](#)).

Однако под словом «вера» нередко понимается не убеждённость человека в существовании какого-либо предмета в сверхчувственной области, а сама по себе религия. Конечно же, в бытовом обращении такое отождествление допустимо, но в строгом смысле эти понятия различны. Латинская этимология слова «религия» и его возвратная частица «ре» определяют значение восстановления связи, в данном случае – утраченной когда-то связи с Богом. Способы возвращения этой связи провозглашают людям те, кого называют основателями религий – Моисей, Магомет, Будда и, наконец, Христос. Приверженцы той или иной религии естественно верят, что через её основателя Сам Бог предлагает им путь к Себе. Следовательно, религией можно назвать **вероучительные и нравственные положения, воспринимаемые как способы и условия возвращения утраченной связи с Богом.** Весьма некорректно отождествлять религию с конфессией или культовой системой, как это делают некоторые философы, например, Гегель: и то и другое суть лишь выражения религии, но отнюдь не сама религия. Нельзя в полном смысле назвать религией даже некую основу, стоящую за многими политеистическими культурами, поскольку в ней нет понятия грехопадения и воссоединения связи с Богом.

Разумеется, что религиозное восхождение человека к своему Творцу является вместе с тем его вхождением в единую Церковь – *Церковь с большой буквы*. Но практически совершается оно на нашей грешной земле в реальной земной церкви – *церкви с маленькой буквы*, представляющей собой **проявление Церкви идеальной и объединяющей в себе множество средств для религиозной жизни человека.** Поэтому *церковь с*

маленькой буквы – это не иная какая-то церковь, не альтернатива *Церкви с буквы большой*, а её воплощение на земле, её земное подворье, учреждённое Самим Богочеловеком. Но что же именно в это состоящее из людей воплощение вложено свыше, а что естественным образом привнесено самими людьми и, наконец, что составляет церковные искажения, обусловленные греховными искажениями самих людей – это и определяет основную проблематику данной работы. Разглядеть за копотью на иконе сам священный образ, не отождествить пыль, сор и мусор с тем, что ими покрыто, а котлеты отделить от мух – это, конечно, требует определённых усилий, но таковые усилия совершенно необходимы любому человеку, стремящемуся к духовному свету.

И в этой связи само собой напрашивается определение ещё одного немаловажного понятия, которое нередко принимается за понятие религии точно так же, как *церковь с маленькой буквы* отождествляется с *Церковью с буквы большой*. Если религия нисходит для нас на землю подобно солнечному лучу Богооткровения, то её восприятие и понимание каждым конкретным человеком есть некое преломление этого луча света в призме человеческого сознания. Проходя же через такого рода призму, сформированную верой, менталитетом, а также и набором человеческих страстей, религия образует на экране нашего восприятия то, что можно назвать индивидуальным, или **частным, религиозным устроением**. Разумеется, что многочисленные религиозные устроения в рамках одной религии не тождественны как самой по себе религии, так и друг другу, хотя непременно должны иметь общую основу. Нередко очень религиозный искренний человек, ревнуя о чистоте религии, на самом деле отстаивает всего лишь собственное, частное её понимание, а другой при этом, слушая его, отшатывается от этого религиозного устроения, принимая его за существо самой религии. Как мы знаем из слов Иисуса Христа, интерпретация иудейской религии единого Бога некоторыми её блюстителями – фарисеями и книжниками – очень отличалась от того, что возвестил Моисей. Так же объяснял Он и причину подобного искажения в частном религиозном устроении этих людей – причину, образно названную Им *закваской фарисейской*. Разумеется, Спаситель предвидел и все неизбежные проблемы основанной Им новой земной церкви, а также её бедствия и пороки, но, по Его же словам, «врата ада не одолеют её» (Мф. 16, 18). А одолевать будут, да ещё и как...!

Причины наших церковных нестроений можно рассматривать на разных уровнях и разными методами. Здесь же в качестве общего подхода выбрана методология «однодум» – героя одноимённого рассказа Н. С. Лескова. Герой этот «*дочитался Библии до Христа*», т. е. прочитал весь Ветхий Завет и дошёл до Нового, что было весьма редким и настораживающим явлением в тогдашней России. При этом он, будучи кварталным уездного городка и совершенно не беря взяток, навлёк на себя вполне естественные подозрения городничего и соборного протопопа в неправославности, даже в «масонской ереси». Вызванный для объяснения к губернатору, этот однодум ещё к тому же поведал ему свои предсказания и объяснения некоторых политических событий, так что губернатор немало удивился:

– Да, вы откровенны. Благодарю. Вы тоже пророчествуете?

– Нет; а по Библии вывожу, что ясно следует.

Вот и здесь предпринимается попытка, исходя из анализа и соотношения современной церковной обстановки с архетипами библейской истории, *вывести, что ясно следует*.

III. ЧТО ВИНОВАТО...

1) в общем искажении земной церкви?

Имеет смысл начать разговор с самого что ни на есть начала, т. е. от сотворения мира. Первая глава книги Бытия повествует нам о свете, который Создатель воздвиг в недрах тьмы – некоего первичного космического хаоса. Однако же не стал Он до конца просвещать всю тьму, предоставив, очевидно, завершать сей труд Своим разумным личностным творениям в *Церкви с большой буквы*. Далее в течение шести дней созидания, шести космогонических периодов, Премудрый Учитель начертал для своих учеников – людей и ангелов – творческие парадигмы, некие образцовые прописи необходимого продолжения Своего дела. И затем, почивая от трудов Своих в седьмой день, доньше длящийся, Он лишь корректирует созданных им соратников, пожелавших участвовать в Его замысле. Людям для этой цели вручена была планета Земля с прилегающим к ней космическим пространством. Но человек, как известно, в своё время до некоторой степени отступил от Божественного замысла, так что до сих пор расхлёбывает последствия собственного волеизъявления. И всё же образ Творца, который в него был вложен, к счастью, не стёрся, но лишь изрядно исказился; исказились человеческие индивидуальности, и тем самым исказилось проявление единой Церкви на земле. Такова первичная самая глубинная, самая общая причина несовершенства земной церкви – причина, которую вряд ли кто из верующих в Бога людей возжелает опровергнуть. Но как всегда самый общий и самый безошибочный ответ оказывается вместе с тем и самым бесполезным. А потому для продолжения более-менее конструктивного разговора требуется опрделённая детализация и в такой же мере допускается определённый риск ошибки.

Однако здесь мы принципиально отказываемся заниматься обличениями и церковных, и нецерковных людей в хорошо известных грехах и пороках. Бичевание таких вещей, как честолюбие, властолюбие, корыстолюбие, симония (получение взятки за возложение священного сана), пьянство, разврат, хищение, лжесвидетельство, предательство, доносительство и проч., и проч. можно обнаружить во многочисленных пособиях по христианской нравственности, услышать на проповедях с церковного амвона и на исповеди. Осведомлённые новозаветными понятиями, как правило, сознают вред от собственных страстей и беззаконий, в той или иной мере страдая от них, борясь с ними и принося покаяние пред Богом. А потому гораздо важнее в рамках обозначенной темы остановиться на тех подводных камнях и минах замедленного действия, разбросанных в церковной ограде, которые не слишком хорошо поддаются обнаружению и изучению.

2) в разделении церкви?

Из всех конкретных недостатков *церкви с маленькой буквы*, в первую очередь, бросается в глаза и озадачивает её разделённость на различные церкви и вероисповедания. Представители каждого из них, как правило, винят представителей других конфессий, усматривая причину церковного раскола в их отклонениях от истины, и провозглашают своё исповедание самым правильным. Однако не переставлена ли здесь причина со следствием?

Обратимся теперь к одному из знаменательных событий в истории раннего послепопотоного человечества. Господь рассеивает строителей Вавилонской башни, определяя множество языков, чтобы возникло затруднение в общении между племенами (Быт. 11, 1-10). Но в то же время это оказалось совершенно необходимо, дабы разбить извращённое направление человеческого единства, сохраняя тем самым человечество от гораздо больших бед, чем разобщённость народов. В конце концов, даже телесная хромота попускается человеку, чтобы он, будучи здоровым и способным к быстрому передвиже-

нию, не наделал смертных грехов. Этот простейший анализ логики Божественного Промысла невольно наталкивает нас на мысль о провиденциальности самого разделения церкви. В таком разделении вполне допустимо видеть предотвращение значительно большего зла, могущего возникнуть в условиях формальной целостности на земле и внешнего единоначалия – управления Церковью одним человеком. Поэтому причиной является сама необходимость внешнего разделения Церкви, а следствиями, или, лучше сказать, условиями, – те разногласия, о которых пишут в учебниках сравнительного богословия.

К чему же могло бы привести организационное единство Церкви под властью одного папы или патриарха? Думается, что в этом случае кто-либо из людей, облечённых столь великой и ответственной властью, мог бы не выдержать искушения князя мира сего, которое прошёл когда-то в пустыне наш Искупитель Иисус Христос, и серьёзно исказить само назначение церковного единства. Земная церковь могла бы превратиться в нечто подобное *авилонской башне*. Примеры церковной истории как на Западе, так и на Востоке, будь то *цезаропапизм* или *папоцезаризм*, в которых нередко обвиняют друг друга православные и католики, дают основание для подобных опасений. На этот момент указывал когда-то свт. Киприан Карфагенский, объясняя необходимость единой Церкви во множестве епископов: «Епископов для того и много, чтобы в случае уклонения от истины одного, принимали другие на себя заботы о стаде Христовом».

Отсюда следует простой вывод о бесплодности и даже смехотворности искусственными, механическими приёмами соединить разделённые Богом церкви. Если бы мы были готовы к этому духовно, находились в должной мере смирения, то Промыслитель ни единого мгновения не помедлил бы соединить земные части Своего единого Тела. Действительно, по словам протестантского теолога Карла Барта, «единство Церкви не достигается, а обнаруживается». Почти о том же в начале XIX века говорил и русский православный митрополит Платон (Левшин): «Наши перегородки между церквями до неба не доходят». Но всё же пока лучше нам оставаться хромыми и разобщёнными, нежели во внешнем единстве *со всех ног* устремиться в геенну. Таким образом, в отношении современного экуменизма – течения, направленного на объединение церквей, – сама собой напрашивается своего рода инверсия слов Спасителя (Мф. 10, 9): *что Бог разлучил, человек да не сочетает*. Однако же парафраз этот отнюдь не исключает взаимного доброжелательного отношения друг к другу церковно разлучённых, в том числе и религиозные диалоги.

3) в церковно-государственных трагедиях?

Далее, не забывая о повторяющихся проявлениях в истории одних и тех же моделей, имеет смысл ограничиться проблемами Русской Православной Церкви и соответственно нашего народа, связанного с ней как видимыми, так и невидимыми узами. Глубокий церковный кризис, несомненно, явился одной из главных, если не самой главной, причиной большевистской тирании, обрушившейся на Россию в XX-м веке. Эта самая ужасная трагедия русской церкви, да и всей страны по своим истребительным масштабам и даже некоторым внешним чертам вполне сопоставима с падением Византии и рассеянием Израиля; слава Богу, финал её предоставляет ещё некоторую надежду на восстановление. А вот произойдёт ли подобное восстановление или снова начнётся всенародное наступление на те же грабли со смертоносным черенком – зависит во многом от нас, православных христиан России. Так что здесь просматриваются черты как подобия, так и отличия трёх исторических финалов – Израильского государства, Византийской и Российской империй.

Церковь с маленькой буквы являет собой в том числе организацию и общество со своими подобающими характеристиками. И именно эти характеристики во многом совпадают с характеристиками приснопамятного советского общества и его организации. Но если кто-то сейчас констатирует этот факт со злорадством, то мы, священнослужители Русской Православной Церкви, вынуждены констатировать его с болью. И всё же не только больнее, но и лукавее было бы замалчивать это, деликатно переводя разговор на величие *Церкви с большой буквы*, прославленной сонмом великих русских святых, включая новомучеников и исповедников российских, от безбожной власти пострадавших. На наш взгляд, подобное замалчивание и активное нежелание непредвзято взглянуть на окружающую обстановку в церковной ограде как раз и вынуждало в своё время мудрость Божественного Промысла не сдерживать разлив бурных рек невинной крови.

Нетрудно себе представить, что после падения большевистского ига в России, стоящие за ним бесплотные инспираторы, ангажированные одолевать христианскую Церковь, к сожалению, никуда не делись. И этим демоническим духам ничуть не хуже, чем нам, людям, знакома поговорка «не мытьём, так катаньем». Так что в чертогах мрака может меняться лишь тактика борьбы за человеческие души, переходя изнутри вовне или наоборот, но отнюдь не стратегия. Однако же наша человеческая свобода не вправе отказываться от самой себя, сваливая всю вину за земные нестроения на наших невидимых врагов, которым мы вольны либо помогать, либо нет.

Историософское рассмотрение ветхозаветного пути евреев, бесспорно, выявляет зависимость политического, а также экономического благосостояния народа от религиозного его состояния. Причина Вавилонского пленения и прочих страданий, наносимых Израилю языческими соседями, и, наконец, полного разрушения государства крылась отнюдь не в недостатке военного могущества. Об этом с патриотической болью и настойчивостью свидетельствовали ветхозаветные пророки, а затем и Сам Сын Божий. Казалось бы, в том же самом свете надобно рассматривать и причину крушений двух православных империй – Византийской и Российской. Однако в настоящее время в наших церковных недрах намечается попытка совсем иных интерпретаций. Оказывается, держава Ромеев в XVI веке пала оттого, что просто обратила свой взор не на восток, то бишь на Русь, а на тлетворный капиталистический Запад. Затем благополучно и закономерно следуют националистические подтексты, отдающие душком обыкновенного фашизма в русской «православной» упаковке. Кроме того, понятийный аппарат, терминология, отсутствие элементарного художественного вкуса, не говоря уже о религиозном, позволяют отнести творческие произведения на эту тему скорее к разряду партийно-политических агиток, нежели к серьёзному церковному исследованию. Но, конечно, более всего настораживает то, что подобной предвыборной византологии предоставляется выход из церковной ограды на уровень массовой пропаганды.

На самом же деле всего два фрагмента Священного Писания вполне позволяют прийти к выводу об основной причине столь великих бедствий, постигших народы, отмеченные особой печатью религиозности. Первый из них повествует о том, как ещё задолго до основания израильского государства патриарх Авраам торговался с Богом по поводу количества праведников, достаточного для сохранения городов Содомы и Гоморры. Десяти праведников там не нашлось, и города погибли (Быт. 18, 23-32). Второй весьма примечательный момент, указывающий на причины разрушений стран и городов, находим мы уже в Новом Завете, а именно, в пророчествах Спасителя:

Горе тебе, Хоразин! горе тебе, Вифсаида! ибо если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они во вретнице и пепле покаялись, но говорю вам: Тиру и Сидону отраднее будет в день суда, нежели вам. И ты, Капернаум, до неба вознесшийся,

до ада низвергнешься, ибо если бы в Содоме явлены были силы, явленные в тебе, то он оставался бы до сего дня (Мф. 11, 21-23).

Таким образом, перед нами вырисовывается три серьёзнейших момента. Во-первых, для каждого народа и даже, как мы видим, значительного города существует некая общая равнодействующая отношения к Богу всех его представителей. Во-вторых, эта равнодействующая определяется не только количеством склоняющихся к добру и ко злу, но также и мерой их склонения. Получается, что одна целеустремленная душа перевешивает на невидимых весах тысячи, а то и сотни тысяч теплохладных, индифферентных к духовной жизни субъектов. Поэтому можно сказать, что состояние мира на международной арене держится не в силу каких-то договоров и всевозможных конгрессов, а только лишь благодаря молитвам единиц молитвенников за весь мир. На этом особо настаивал в своих беседах преподобный Силуан Афонский. Бывает, как только уходит всего один праведник в мир иной, так сразу общий национально-духовный баланс изменяется, и начинаются катаклизмы. В-третьих, оказывается, что для возникновения и поддержания религиозной устремлённости как определённого человека, так и целого народа вкладывается свыше та или иная величина духовных сил. И в соответствии с этим вложением оценивается и отклик на него: «кому много вверено, с того больше взыщут» (Лк. 12, 48). Получается, что к историческому времени трагедии Израиля, Византии и России их равнодействующая всенародного упования, можно сказать, общегосударственная духовная интенция отклонилась от неба до какой-то особой критической отметки. А уж в какую сторону горизонта пошла она пресмыкаться по земле: на запад или на восток, на север или на юг – какая разница?

История византийской верхушки как дворцовой, так и церковной изобилует всевозможными политическими кознями и интригами, приправленными изуверствами самых уникальных языческих образцов. При этом весь внешний православный камуфляж – пышность храмов и богослужений, конфессиональное чванство – при отсутствии подлинного упования на Бога – весьма напоминало ветхозаветные жертвы и всесожжения, оценённые когда-то Самим Всевышним через уста пророка Исайи:

К чему Мне множество жертв ваших? говорит Господь. Я пресыщен всесожжениями овнов и туком откормленного скота, и крови тельцов и агнцев и козлов не хочу. <...> И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу: ваши руки полны крови. Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите – и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю; если будут красны, как пурпур, – как волну убелю (Ис. 1, 11-18).

Очевидно также, что в византийское православие вложен был свыше огромный потенциал, но, увы, соль потеряла свою силу и потому была «выброшена на поправление людям» (Мф. 5, 13) Османской империи.

Пятнадцатью веками раньше Израильская религиозная соль оказалась попранной людьми Римской империи, поскольку силы её не хватило, чтобы во всенародном масштабе узнать Сына Божиего в Человеке Иисусе: слишком далеко отстояли сердца израильтян от опытного знания духа Божиего. Как можем мы отчётливо заключить из диалога Луки и Клеопы, шествовавших в Эмаус, общение с Иисусом Христом должно было вызывать в духовном сердце боголюбивого человека особое благодатное возгорание (Лк. 24, 32). Этот свет и огонь, а вместе с тем и живая вода, входящая в человеческое сердце от слов Спасителя, являли собой главное знамение, главный признак Посланника Божиего. Но для этого надо было ещё предварительно пережить в себе моменты наития

небесного Духа, познать, обнаружить в себе то существо, которое рождено свыше, ибо подобное узнаётся подобным.

Вообще же надо сказать, что область сердца можно воспринимать в качестве своего рода лестничного пролёта, соединяющего три этажа – три составляющие человеческой природы: тело, душу и дух. Что такое физическое сердце, все достаточно хорошо понимают. Душевные импульсы также исходят из соответствующей области, пространственно связанной с нашим главным телесным органом, о чём многократно говорил Спаситель. Но так же точно и духовные ощущения, т. е. действия духа, должны переживаться человеком, в первую очередь, именно в том же самом сердечном месте, хотя и отнюдь не на физическом его этаже. Но выяснялось, в частности, из беседы Христа с Никодимом, что даже благочестивые, богобоязненные учителя Израиля не знали в себе дыхание Духа Божиего (Ин. 3, 3-10). А «плоть и кровь», несмотря ни на какие внешние чудеса и знамения, не могли сами по себе открыть истину о Богочеловечестве Иисуса из Назарета (Мф. 16, 17) многим представителям еврейского народа.

В XX-м веке русскую империю и обессилевшую соль русской *церкви с маленькой буквы* попирали уже не чужие империи, а свои соплеменники. Этим в определённом смысле Промысл Божий облегчил задачу религиозной историософии: теперь уж, казалось бы, не надо искать причину церковно-государственной катастрофы где-то на стороне, в происках и коварстве инородцев. Ещё за два десятка лет до трагедии некоторые чуткие интуиции в России забили тревогу о реальном «оскудении преподобного» за ширмой помпезного церковного и державного благолепия. Святитель Филарет (Московский), святой праведный Иоанн Кронштадтский, выдающийся религиозный мыслитель В. С. Соловьёв, граф С. Ю. Витте – каждый по-своему предупреждал о грядущем революционном бедствии и крови невиданных масштабов в том случае, если ситуация в государстве и церкви радикальным образом не изменится. Характерен в этом отношении ещё один предгрозовой штрих, касающийся дореволюционного состояния русских монастырей. Явившись некогда преподобному Зосиме (в схиме Захарии) Московскому в его бытность в Троице-Сергиевой Лавре, Пресвятая Богородица указала на монастырь и объявила, что в тысячном числе его братии реально пред Богом всего два с половиной монаха. Так что остаётся только вздохнуть, вспомнив слова преподобного Иосифа Оптинского, часто повторяемые им в ответ на всяческие сетования своих посетителей: «Если бы мы были лучше, то и нам было бы лучше».

И всё же насколько трудно отказаться от соблазнительного поиска причины собственных бед и бедствий в чужих действительных и мнимых грехах! Израильские зилоты в своё время проклинали римлян как своих поработителей, призывая всех евреев к национально-освободительной борьбе против угнетателей. Но Христос почему-то не захотел становиться их лидером и освобождать таким образом свой народ от чужеземных захватчиков. Очевидно, Израиль, да и весь человеческий мир был оккупирован гораздо более сильными и страшными агрессорами, иго которых надлежало в первую очередь свергнуть Сыну Божию. Но в том-то и дело, что от власти каких-то невидимых инспирированных привычных грехов и пороков в недрах собственного сердца мало кто захотел, да и поныне хочет избавляться. То ли дело инородцы: они всем видны, они – чужие, мы их к нам не звали, – вот они и виноваты во всех наших несчастьях. Среди большевиков было много евреев – так, значит, они и сделали нам революцию, а заодно и церковный погром. Однако при подобном соблазне такие категории, как *много-мало*, весьма относительны: количество, по сути, не играет никакой роли. Допустим, если бы только один еврей участвовал в революции, то именно он бы и стал главным совершителем русского переворота. А, положим, вдруг и еврея бы не нашлось? Ну тогда эдакого монстра при-

шлось бы обнаруживать в каком-либо ином лице не слишком русской национальности, например, с примесью чукотского этноса. Так что уж если душенька настроится отыскать источник своих несчастий где-то вне себя, то уж непременно отыщет. Однако должным образом не осознанный и не раскаянный грех страшен, конечно же, не своим прошлым, а будущим повторением и соответственной причинностью гораздо более тяжёлых следствий.

Но не только внутренним характером нашей недавней катастрофы облегчил Господь осознание её причин. Примечателен в данном контексте ещё один эпизод из жития того же святого Зосимы Московского. Однажды ночью он проснулся и увидел демона, стоящего перед его молитвенным аналоем. К полному удивлению подвижника злой дух скороговоркой читал псалтирь.

– Вы что это, бесы, Богу начали молиться?

– Да нет, это мы ваше бестолковое вычитывание передразниваем.

Такого рода комедии и карикатуры на мнимое благочестие иногда оказывались единственно возможным средством в руках Божественного Промысла, чтобы хоть как-то встряхнуть упёршиеся рогами в землю наши религиозные штампы и устройства. Иногда эту миссию приходилось выполнять осознанно особым избранникам Божиим, например, Христа ради юродивым, которые своими эксцентричными выходками, кривляньями и мнимым безумством шокировали стереотипы обывательского «богоугодия». Однажды Промыслитель даже заставил пророка Осию жениться на блуднице, чтобы таким гамлетовским образом обличить Израиль в его духовном блюде и постоянных изменах своему небесному Благодетелю. Ну а в XX-м веке актёрами Божественной обличительной трагикомедии в России уже невольно и неосознанно стали большевики. Сбывалось страшное пророчество Достоевского, с художественной гениальностью начертанное в романе «Бесы». Подобно стаду несмысленных животных Гадаринской страны в евангельском фрагменте (Лк. 8, 32-33), ставшем эпиграфом к произведению, низвергались в бездну несчастные жертвы своей веры вселившимися в них духами тьмы.

Действительно, новый культ, обслуживающий воинственную идеологию новорождённой красной империи СССР и её атеистической анти-церкви, не удивил мир никакими принципиально новыми изобретениями. Всё ограничивалось лишь жуткими пародиями на обрядовые проявления христианской Церкви. Славословия, гимнотворчество, прославление мощей, всенародные уличные шествия, борьба с оппортунизмом представляли собой откровенные карикатуры на некоторые элементы православных канонів и культа, так что оставалось только вспоминать вольтеровское определение дьявола как *великой обезьяны Бога*. Но такого рода обезьянничество вряд ли было бы попущено Божественным Промыслом, если бы обрядовая сторона Православной религии в России, как когда-то в Византии и Израиле, не превратилась в нечто самодовлеющее, выхолощенное от надлежащего духовного содержания. На самом же деле все эти внешние ритуальные манифестации, заповеданные свыше в качестве выражения любви к Богу, так же как и жертвоприношения в Ветхом Завете, вырождались и окаркиатуривались ещё задолго до большевиков. Власть так называемых советов лишь довела всё до своего логического завершения, образным *красноюродствующим* способом иллюстрируя слова пророка Исаяи об отношении Бога к обрядоверию и человеческим подделкам под боголюбие. И уж с особым изысканным смаком доводили большевики до совершенства методику силового подавления и искоренения инакомыслия и иноверия – методику, которой, к сожалению, не гнушались ранее многие представители церковной власти. А ведь от этой методики особо предостерегал Спаситель Своих учеников, да и весь христианский мир, когда апостолы Иоанн и Иаков предлагали спалить самарянское селение за то,

что его жители отказались принять Христа: «Не знаете, какого вы духа; ибо Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать» (Лк. 9, 55-56). Так что большевики своими гонениями напомнили нам очевидное предупреждение, когда-то удачно сформулированное Вл. Соловьёвым: «Нельзя же православному христианину отрицать того факта, что Христос в Евангелии неоднократно говорил Своим ученикам: "Вас будут гнать за имя Моё", но ни разу не сказал: "Вы будете гнать других во имя Моё"».

И всё же самым ярким антицерковным гротеском в СССР стала форма марксистско-ленинской идеологии – устрашающая карикатура на парализующий консерватизм охранительной конторы Православного вероучения. Но удушающая обстановка богословского застоя в Русской церкви ощущалась некоторыми представителями её живой религиозной мысли ещё задолго до революции. В своём дневнике протоиерей Александр Горский, будущий ректор Московской Духовной Академии, в 1836 г. писал следующее:

Вчера рассказывал о. Ректор, что Владыка (святитель Филарет Московский) в беседе о рассуждениях между прочим выразил ему мысль о недостатке у нас сочинений духовных. Учёные духовные наши, – говорил он, – ничего не пишут. – Да как и писать? Что ни будет написано со старанием раскрыть новую сторону в предмете, – всё это покажется ересью. Вот наприм. ересь: мысль о развитии догмата, т. е. нельзя сказать, чтобы догмат оставался одним и тем же в сущности своей, не прибавляясь, не уменьшаясь в своём содержании, впоследствии становился в умах яснее, определённое от особенных обстоятельств, которые побуждали христиан заниматься более этим догматом, прежде принятым только посредством чувств.

И далее о. Александр чётко выражает свой взгляд на догматическое развитие, который и до сих пор для многих православных звучит как прямая ересь:

Каждый догмат имеет свою сферу, которая с течением времени возрастает, теснее и теснее соприкасается с прочими частями догматики христианской и с другими началами, лежащими в уме человеческом; всё это срастается, воплощается в одно тело, оживляется одним духом; вся область ума от того просветляется; все науки, чем более которая соприкосновена догматике, от того выигрывают в точности, положительности; с течением времени всё более и более становится возможною полная строгая система знания. Вот ход развития догмата, вот жизнь его!

Примерно то же самое о динамике догмата и острой необходимости разработки христианской философии, полагающей свидетельства богооткровения в качестве исходных аксиоматических посылок, высказал несколькими годами позже другой талантливый русский богослов, еп. Михаил (Грибановский):

Осмыслить философски христианство, — вот величайшая цель настоящего времени <...> Не должно быть разлада. Догматы величайшей абсолютной религии должны быть величайшей истиннейшей философией. Нужно только понять их и проникнуть философским анализом и синтезом. Нет ещё христианской философии. Её нужно создать. По ней тоска, её жаждет человечество...

Но всё же сторонники догматического эволюционизма и к началу XX века продолжали оставаться в явном меньшинстве, и притом подавляемом. Суть богословской науки, по мнению противоположной и в прямом смысле подавляющей точки зрения, должна сводиться лишь к обнаружению и истолкованию того, что высказал некогда кто-то из авторитетных церковных писателей. В 1898 г. В. В. Болотову, церковному историку и богослову уже к тому времени с мировым именем, однако же пришлось публиковать свою альтернативную позицию относительно католического догмата об исхожде-

нии Святого Духа от Сына в статье «Тезисы о Filioque» за границей на немецком языке, и притом анонимно.

К счастью, русская школа православного богословия всё же смогла сделать некоторые значительные шаги, но уже после революции, в Парижской эмиграции, главным образом благодаря трудам оо. Сергия Булгакова, Георгия Флоровского, Иоанна Мейендорфа, а также В. Н. Лосского. Имея разные точки зрения по многим церковным вопросам, они тем не менее единодушно провозглашали необходимость свободного обсуждения богословских проблем и дискутирования. Свою последнюю работу «К вопросу об схождении Святого Духа» Лосский заканчивает такой фразой:

Лучше мыслить о Святой Троице, принимая на себя риск всегда возможных ошибок, чем только повторять священные формулы в ленивом и самодовольном безмыслии, оставаясь чуждым и их содержанию и силе. Верность преданию – не инертна, а динамична. Без новых и новых усилий богословской мысли не может быть подлинной верности преданию Отцов Церкви.

Прот. Георгий Флоровский в эпилоге к знаменитым «Пулям русского богословия» прямо указывал на преступную «гербаризацию» церковных догматов как главную причину революционного низвержения Православия в России. Над тем, что не развивается, увы, нависает угроза отмирания. С особым и даже несколько болезненным пафосом о. Георгий настаивал на том, что всякий христианин, получивший хоть какие-то способности к религиозному мышлению, в настоящее время не только имеет право, но и обязан богословствовать, исполняя тем самым свой долг перед Церковью:

Речь идёт о верности отеческому духу, а не только букве, о том, чтобы загораться вдохновением от отеческого пламени, а не о том, чтобы гербаризировать древние тексты. Вполне следовать отцам можно только в творчестве, не в подражании <...>. Подлинный исторический синтез не столько в истолковании прошлого, сколько в творческом исполнении будущего.

Действительно, Богооткровение, подобно научному постулату, является не только свидетельством самом в себе, свидетельством исключительно о Боге, но и указателем на множество образов Божественного бытия и Божественного действия во вселенной. Христианский догмат как выражение истины высочайшего порядка не блокирует нашу мысль, но направляет её на должный путь, раскрывая перед ней новые горизонты познания. Очевидно, что открытие принципа колеса обозначило новую эру передвижения человека по поверхности земли, а постулаты Бора позволили, с одной стороны, объединить волновую и корпускулярную теорию природы света, а с другой, открыть принципиально новую, далеко уходящую область познания в физике, – квантовую механику. Точно так же и в свете вероучительных основ Священного Предания Церкви, должным образом раскрываемых, эксплицируемых в современном концептуальном, а также терминологическом пространстве, построения многих столпов западной философии XX века: Гуссерля, Бергсона, Хайдеггера и др., выглядели бы в смысловом отношении наивным детским лепетом. Но... оберегая богооткровенную истину от исследования её человеческой мыслью, т. е. «гербаризируя» догмат, богословы, по сути, превращаются в его могильщиков.

Да, действительно, от нас требуется хранить в чистоте учение Церкви как врученный Богом талант. Но в то же время нельзя забывать о том, что Сам Спаситель в соответствующей притче указал нам и способ подобного сохранения (Мф. 25, 14-30). Талант можно либо зарыть, либо приумножить, пустив его в оборот, разумеется, с определённой долей риска. Однако сокрытие таланта в отказе от риска утраты неизбежно приве-

дёт к такой утрате. Но, к сожалению, вместо того чтобы пользоваться догматом как боготкровенным талантом, обретая прибыль в приумножении познания от его оборота, мы изо всех сил ухищрялись и ухищряемся зарывать сие сокровище в землю. А потому нет ничего удивительного, что в общем секулярном представлении это сакраментальное понятие оказалось до такой степени профанированным. И вина за постепенную вульгаризацию обиходной семантики слова «догмат», ассоциирующегося с чем-то косным, противным живой человеческой мысли, и за те карикатуры на догматы, которые представляли собой большевистские «догмы», отчасти простирается на нас, христиан, – немелких ревнителей чистоты Предания.

Кроме того, схоластическое замораживание православного вероучения естественным образом не только замораживало, но и напрочь отмораживало всякий интерес к духовному образованию в стенах российских семинарий, а заодно и вообще веру в Бога у несчастных узников бурсы. Обстановка отупляющей зубрёжки, фискальничества, лицемерия, не говоря уже о стимуле кнута в самом прямом смысле, о чём с ужасом узнаём мы из очерков Помяловского, лишь чудом могла не вызывать у проходящих подобную школу стойкого отвращения ко всему церковному. Не удивительно, что интеллектуальные, творческие и мистические способности, вложенные Богом в сердца и головы многих семинаристов, искали себе выход не только вне церковной ограды, но и в пристанищах, откровенно враждебных христианству. Практически все духовные школы дореволюционной России к концу XIX-го века были пронизаны сетью подпольных библиотек с большим ассортиментом крамольной литературы, включая, разумеется, марксистскую. Спрашивается, какова вероятность отказа какого-нибудь простого заурядного бурсака, отсидевшего, наконец, скучнейшие опостылевшие уроки, а ещё и высеченного если не физически, то словесно, от интересной, по словам своих более опытных товарищей, запрещённой книжечки; тем более, что денег на водку не всегда наскребёшь. Да от одной обиды захочется утешиться каким-то тайным досаждением обидчикам! Таким образом, долбёжная технология обучения, линейки и розги вкупе с моральным *битием* быстро определяли материалистическое сознание не одной тысячи семинаристов. Слава Богу, в совдэповской системе поголовной идеологической обработки нередко происходило то же самое с точностью наоборот. На принудительных лекциях по т. н. «научному» атеизму многие мыслящие люди получали импульс интереса к религиозным истинам, а отвращение к отбойному молотку коммунистических догм подталкивало их волю к знакомству в оригинале с текстами Священного Писания и самиздатом православной литературы. А затем следовало вхождение в Церковь и начало религиозной жизни. И в этом уже просматривается немалая польза от безбожных пародий на извращённые насаждения «закона Божиего». Здесь налицо очевидная истина: навязыванием, принуждением и тем более насилием над сознанием человека, которому Сам Бог вручил свободу, можно добиться в конце концов только диаметрально противоположного эффекта. Страхом можно лишь сдавить на время, но нельзя преобразовать, можно лишь сжать пружину, которая рано или поздно обязательно распрямится.

Необходимость срочных реформ в организации Русской Церкви осознавалась многими её иерархами накануне октябрьского переворота в России. То же самое наблюдалось и в монархическом устройении нашей державы. Граф Витте уподоблял Россию предреволюционного периода кипящему котлу, вокруг которого бегают его обслуживающий персонал и всеми силами старается заткнуть щели, из которых наружу иногда просвистывают струи пара. Не меньшее давление накопилось и в церковном котле, в свою очередь, с не меньшим усердием оберегаемое и поддерживаемое «совиными крылами» обер-прокурорского надзора, да и не только ими.

В одной из передач телеканала «Культура» из цикла «Библейский сюжет», посвящённой В. Поленову, автор и ведущий Д. Менделеев комментирует отказ русского художника от предложения его коллеги В. Васнецова приступить к росписи собора:

Русская церковь синодального периода конца XIX века казалась Поленову и многим другим его современникам обычным чиновничьим косным институтом, в котором батюшки служили не столько Богу сколько государству. К сожаленью, к великому сожаленью, так оно порой и было на самом деле. Иначе не возможна была бы никакая революция. Ещё святой московский митрополит Филарет (Дроздов) писал Николаю I: «Вы поставили церковь на колени..., следующим будет ваш престол».

Когда же дело наконец-то дошло до Поместного Собора, – было уже поздно: на нём успели только восстановить патриаршество, не добравшись до другого поставленного и не менее остро назревшего вопроса – вопроса об ограничении власти архиереев в своих епархиях. А дальше последовал взрыв обоих котлов: их разлетевшиеся осколки тонули во всеожигающем вареве большевизма и огульного церковного обновления.

4) в оковах современной организации?

Велика была радость евреев, освобождённых Самим Богом и изведённых Моисеем из египетского рабства. Вот она, долгожданная свобода, а впереди земля обетованная! Но чем дальше отходил Израиль от страны Фараона, тем больше обнаруживались следы этой языческой державы в сердце почти каждого представителя богоизбранного народа. Нависала вполне закономерная угроза: заселив обещанную территорию, Израиль построит там второй Египет со своим Фараоном и своим идолопоклонством. А потому понадобилось сорок лет выжидательных странствий, пока египетский синдром не умер в должной мере вместе со всеми героями еврейской пасхи. Этот же пасхальный архетип отобразился на более высоком уровне освобождения человечества от демонического рабства воплотившимся Сыном Божиим. Продолжает он своё отображение и донныне. Но кроме того, есть и другие проявления всё той же модели во всемирном масштабе. Отображения эти хотя и менее значительны, но при этом весьма актуальны на определённом историческом промежутке для определённого народа и, в первую очередь, той его части, которая осознаёт себя ветвью Христианской Церкви.

Россия милостью Божией на рубеже 90-х годов XX века сравнительно безболезненно сбросила с себя большевистский гнёт. Огромная заслуга Горбачева и Ельцина не в том, *что* они сделали, а в том, *что* они не сделали, т. е. не помешали Богу сокрушить вавилонскую башню большевизма и не прибегли к традиционной для русской государственности терапии политического кровопускания. Русская Православная Церковь также освободилась от семидесятилетнего плена атеистического государства. Однако это отнюдь не означает столь быстрого и лёгкого внутреннего освобождения от большевистского синдрома, которым, увы, пропиталась *церковь с маленькой буквы* во многом по неволе. Но «у Господа один день, как тысяча лет» (2 Петр. 3, 8); и как долго продлится неизбежное *пустынное сорокалетие* в нашем постсоветском измерении – прямо зависит от нас. Речь идёт отнюдь не о призывах к покаянию представителей духовенства РПЦ в сотрудничестве с КГБ – такие призывы уже неоднократно звучали даже с амвонов и звучат иногда поныне, а о призыве к осмыслению того, что сейчас в церковной обстановке имеет прямое или косвенное отношение к большевистскому рабству, не имея при этом никакого отношения к *Церкви с большой буквы*.

Прошло почти двадцать лет со времени исхода Русской Православной Церкви из «советского Египта». Обнаруживаются, конечно же, и следствия этого освобождения:

открываются старые и строятся новые храмы и монастыри, распространяется религиозная литература, звучит церковная проповедь через СМИ. Также открываются духовные семинарии и училища, а священники свободно приходят в школы и светские учреждения. На этом, пожалуй, перечень изменений жизни РПЦ в постсоветский период можно считать исчерпанным. И касаются они исключительно внешнего устройства Церкви. К сожалению, о каких-то внутренних изменениях говорить не приходится: их просто нет. Более того, благополучно воспроизводятся всё те же модели культовых и идеологических издержек, которые, казалось бы, должны набить хорошую оскомину гротескными аналогами коммунистической доктрины.

Церковь с маленькой буквы продолжает оставаться не просто закрытым обществом, а всё тем же старым котлом, собранным из осколков после взрыва и тщательно задраиваемого по всем осколочным швам. Создаётся такое впечатление, что идеалом всех членов современной русской церкви является полная реставрация во всех деталях того, что когда-то разлетелось на куски, подобно, например, восстановленному в Москве храму Христа Спасителя. Пока никаких работ над ошибками и попыток осмысления причин церковной катастрофы в недрах самой РПЦ практически ни на каком уровне не наблюдается. Нельзя сказать, что в современной светской России процесс осознания собственных провалов недавнего прошлого, да и настоящего идёт особенно быстро, но всё-таки идёт, подчас, правда, продираясь сквозь встречные потоки восхвалений сталинской тирании. На телевидении и в прессе периодически появляются различные высказывания на данную тему, звучат и дискутируются различные мнения, и тем самым какое-то движение в этом направлении налицо. О причинах же бедствий и болезней *церкви с маленькой буквы* со стороны её представителей в лучшем случае звучит общая фраза: «за грехи наши», и не более того. Собственно, это и есть одна из главных характеристик того, что сейчас обозначают понятием закрытости общества. Получается, что и церковная история также по-гегелевски учит нас тому, что она нас ничему не учит.

Как усердно пытались в своё время коммунистические власти закрыть советские реалии от посторонних глаз иностранцев, прибегая иногда для этого к совершенно анекдотическим методам! Но при всех стараниях это у них всё равно не получалось: ведь нельзя же было закрыть двери всех учреждений, а тем более магазинов с длинными хвостами очередей. Так же точно и человек, заходящий в церковную «избу», о которой шла речь в предисловии к нашей работе, убеждается, что обстановка там далеко не такая глянцева, как страницы современных православных журналов, выходящих в России. Разумеется, что редакция этих *полупроводников*, освещающих церковную жизнь, получает жёсткие установки соответствующих инстанций на проведение исключительно позитива и категорического недопущения разговоров о негативе. И вновь полная аналогия с советским блаженством. Приходишь домой, а там тебе и газеты, и радио, и телевидение радуют глаз и ласкают слух сообщениями о передовиках производства, перевыполнениях плана, досрочной сдаче в эксплуатацию и, наконец, возвещают о самом главном в твоём бытии – куда поехал генеральный секретарь, с кем он встречался и кого удостоил братского лобзания. Но поскольку не все граждане СССР проявляли надлежащую сознательность, то компетентным инстанциям приходилось иногда деликатно напоминать о неотвратимости подписки на партийно-политические издания, такие, как, например, «Блокнот агитатора» и прочие источники информации, совершенно необходимые для поддержания жизнедеятельности советского человека.

И вот марксизм-ленинизм сгинул, но его идеи весьма успешно ещё живут и побеждают, и не где-нибудь, а в нашей земной *церкви с маленькой буквы*. В настоящее время религиозно-политическая благонадёжность духовенства, помимо неизбежного

приобретения надлежащих церковных товаров в епархиальной лавке, должна непременно выражаться в неотвратимой подписке на главный печатный орган РПЦ – «Журнал Московской Патриархии». Пролистывая его блестящие иллюстрированные страницы, нелегко бывает отбиться от помысла о том, существует ли на земле хотя бы один человек, которого в принципе могут заинтересовать тексты, помещённые в этом апофеозе официоза. Кстати, в совдэповские времена в том же журнале всё-таки иногда проскальзывали интересные и содержательные материалы.

Такого рода установки вполне понятны: надо показать во всей красе облик нашей православной церкви. А зачем, спрашивается, будоражить людей обсуждениями неприятных вещей в церковной среде? – ведь эдак можно их вообще отпугнуть от Православия. Однако рано или поздно за искусственным сдерживанием и умолчанием наступает закономерный дефолт, ибо, как уже давно убеждается человечество, «нет ничего тайного, что не сделалось бы явным» (Лк. 8, 17). Так что неизвестно, куда именно впоследствии выстилают дорогу подобные благие намерения, но медвежью услугу *Церкви с большой буквы* они оказывают уже сейчас. К тому же надо учесть, что менталитет россиянина постсоветской эпохи несколько отличается от того, что было в эпоху сталинскую и брежневскую. Приходит он в храм и, не будучи, как ни странно, слепым, вдруг обнаруживает рассогласование того, что церковь говорит о самой себе и того, что в ней происходит в действительности. Побыв в некотором недоумении и зачастую не в силах пробиться к тому глубокому, истинно церковному, духовному, ради чего привела сюда его душа, т. е. к *Церкви с большой буквы*, человек покидает храм, бывает, что и на всю жизнь. И если на рубеже 90-х годов XX века, узнав о том, каким гонениям подвергалось Православие в советское время, многие, даже далёкие от Церкви люди испытывали к ней искреннее уважение, переходящее в пиетет, то сейчас оно сменяется всё более и более отрицательным отношением, переходящим в прямое осуждение и неприязнь. К сожалению, такой поворот при данном состоянии *церкви с маленькой буквы* вполне закономерен. И дело здесь не только в, мягко говоря, не идеальном облике многих священнослужителей, но и в общем взаимоотношении, а попросту сказать, смычках церкви с различными структурами властей мира сего. Кроме того, многие люди слышат рассказы знакомых представителей духовенства и даже сами становятся свидетелями их положения и контактов с властями церковными. Если в ту самую «египетскую» эпоху Русской Церкви всё можно было объяснить давлением «проклятых большевиков», то сейчас такого рода объяснений уже быть не может: красное рабство осталось за морем истории. Но при этом осталось, или, скорее всего, появилось его закономерное исчадие – крепостное право.

Главной особенностью крепостного права, как усвоили мы из уроков школьной истории, является попрание человеческих прав, а точнее, бесправие крепостных крестьян. Впрочем, если помещик оказывался добрый, то мужики вполне могли благоденствовать и благодарить Бога за такую милость к ним, ну а ежели барин крут, то тут уж только стискивать зубы оставалось: ни жаловаться некому, ни уйти некуда – Юрьев день уж давно позабыли. Так вот при ближайшем рассмотрении современные епархии, на которые разбита территория охвата РПЦ, очень напоминают помещичьи угодья, правящие архиереи – соответственно, помещиков, ну а прочие клирики – разумеется, мужиков. Как и в древней Руси, все приходы обязаны отдавать в епархию ежемесячный оброк; раньше он назывался архиерейским тяглом (отсюда наименование «тягловые попы»), а сейчас – епархиальными взносами. Взносы эти обладают необыкновенно прогрессирующим свойством, так что зря злые языки говорят, что в нашей церкви сплошной застой и регресс.

Епископ имеет полное право без всяких объяснений причины перевести священника из храма в храм или из прихода в приход, что нередко и происходит даже с клириками, прослужившими на одном месте не один десяток лет. Бывает, чем-то не угодил настоятель, например, оброк вовремя не сдал; а бывает, и просто, как в армии, чтобы служба мёдом не казалась: пришла бумага – и езжай, куда послали. Стенания прихожан, полюбивших своего батюшку, а тем более его собственные интересы: семья, хозяйство и прочее во внимание совершенно не принимаются. Да к тому же в некоторых епархиях обычному священнику гораздо легче бывает попасть на приём к московскому министру, чем к своему правящему архиерею. После подачи прошения об аудиенции можно ждать вызова несколько месяцев. Но некоторые, даже убелённые сединами священнослужители иногда отказываются куда-то переезжать и уходят в мир. Таким образом произошло немало личных трагедий и была сломана не одна судьба. Перемещение в другую епархию к другому барину также невозможно в случае получения от своего запрета на служение. Совсем недавно именно такое постановление, упраздняющее тем самым церковный «юрьев день», и было обнародовано. Так что и здесь у нас тоже наблюдается развитие: церковное крепостное право успешно крепчает.

Само собой разумеется, что никакой клирик да не дерзнёт без архиерейской санкции прийти на какой-нибудь семинар или конференцию, проводимую светскими организациями даже по вопросам философским или богословским, несмотря ни на какие приглашения с их стороны. Позвали куда, пригласили, спросили – очень хорошо: изволь сразу подать наверх рапорт и ждать резолюции. А уж выступление и тем более какая-нибудь публикация без предварительного просмотра материала и дозволения епархиальной цензуры, называемой ныне «информационным отделом», квалифицируется просто как смертный грех. Так что тягловым попам, желающим в этой обстановке дослужить на своём месте до естественного завершения, рекомендуется сидеть тише воды и ниже травы, никуда не соваться, а, главное, – наскребать деньги для выплаты очередного месячного оброка. Не удивительно, что бюрократический характер многочисленных епархиальных требований порождает соответствующую реакцию в отписках, приписках, никому не нужных выписках и прочем, чему с успехом научил когда-то наших чиновников режимный формализм совдепа.

Да, ... ещё не в коем случае нельзя забывать про отработку общей барщины. Заключается она в периодических поголовных сгонах духовенства на епархиальные мероприятия. Некоторые образцы изнурительных собраний с многочасовыми пустопорожними докладами способны удивить даже выдавших подобные виды бывших представителей партийной номенклатуры. Но всё же на таких собраниях нет-нет да проскочит интересный номер, когда можно проснуться, посмотреть и послушать, например, выступление иллюзиониста, демонстрирующего сверхъестественную коллегиальность принятия общих епархиальных решений. Используя виртуозные традиции школы советского цирка, управляющий епархией сообщает о том, что от многих клириков поступило предложение и даже просьба, допустим, собрать некоторые дополнительные взносы на некоторое церковное строительство. Волшебным либеральным образом устраняется он при этом от всяких диктаторских, авторитарных замашек и, желая лишь узнать мнение всех членов собрания, задаёт, ласково оглядывая зал, демократичнейший вопрос: есть ли таковые из вас, братья, кто против? Но братья, замороженные профессионализмом вопрошателя, в ответ многозначительно безмолвствуют. Значит, принято единогласно. После этого предоставляется желающим изъяснить сугубую лояльность с прицелом на ближайшие награды, задать какой-нибудь крайне конструктивный вопрос вроде того, как лучше деньги уплачивать: переводить на счёт или наличными. Осталь-

ным же, т. е. продолжающим безмолвствовать, навязчиво лезет в голову бородатый анекдот в жанре социалистического реализма о верёвке на собственную шею.

Другой разновидностью совместной епархиальной отработки становятся уличные шествия с продолжительными митингами на центральных площадях. Называется всё это официально крестными ходами, тем более, что клириков обязывают приносить с собой хоругви и иконы. Однако трудно сказать, как может в действительности именоваться в очах Божиих принудительный прогон людей с унылыми лицами и с одной стойкой мыслью: когда же всё это наконец кончится. Подобные мероприятия большевики называли демонстрациями; но атмосфера на них была несколько веселее благодаря неофициально распространявшимся среди демонстрантов горячительным напиткам. Суть в том, что уставные богослужения как обязательные для тех, кто встал на путь священнослужения, всё же отличаются от дополнительных и добровольных религиозных проявлений, коими являются, в частности, крестные ходы, паломничества, поклонения мощам и др. Ну никак из невольников не сделать богомольников, а вот богохульников, как показывает опыт, можно! Уж коли архиерейская барщина настолько неотвратима, то, думается, лучше бы сгонять батюшек на епархиальные субботники по уборке территории: всяко легче бревно тащить на горбу, чем бороться с подступающим отвращением к ни в чём не повинному православному обряду крестного хода. Так что дай Бог нашей *церкви с маленькой буквы* не дойти до серийного производства очередной партии безбожников.

Но, быть может, действительно, иной владыка имеет серьёзнейшее благочестивейшее пристрастие к крестным ходам, а его недалёкое приземлённое духовенство в своей лености и инертности ну никак не желает понять благого устремления своего архипопечителя. Да, если бы это было так! По всей вероятности, в таком случае, с учётом всё-таки христианского, а не военного характера праздника, оповещение о его проведении могло бы начинаться со слов «Вы приглашаетесь принять участие...». Христиане, конечно же, должны считать себя воинами христовыми, но при этом нельзя забывать, что «наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной» (Еф. 6, 12). Однако бумага всему духовенству приходит с шапкой, весьма уместной лишь для ратных сборов или вызова в прокуратуру: «вам надлежит прибыть...». Так что мало кому остаётся неясной нависающая угроза возмездия к дерзнувшим не прибыть, тем более что таковым уже надлежит рапортовать о причине подобного дерзновения. Ну один раз можно отбрехаться,... второй, а в третий могут ведь и взгреть. Ничего не поделаешь, приходится батюшкам иногда за сотни километров тащиться, удовлетворяя душепопечительные потребности преосвященного.

К сожалению, за подобными потребностями кроется, правда, как-то не слишком замаскировавшись, несколько иной мотив. Ведь, например, принимать людей в своём кабинете, можно, конечно,... так..., а смысл? Не будешь же отправлять отчёт о том, сколько человек принял такого-то числа по таким-то вопросам – наверху просто засмеют. А вот отчитаться о том, что в такой-то праздник был совершён крестный ход в участии всего духовенства епархии – это солидный плюс, хотя и не такой, как строительство нового кафедрального собора в городе. Но и это не за горами: будут налоги, будет сбор, – будет и собор. Таким образом, епархиальные клирики становятся добротным материалом для перил к служебной «лестнице в небо». Так что же, неужели это авторы очерка вдруг прозрели, а остальное духовенство епархии как-то умудряется оставаться в неведении? Да нет же, от духовенства епархии никто не требует непонимания и наивности: требуется лишь «смирение» и «послушание», имеется в виду покорность и безгласие; а то ведь бывает и *отработанный материал*, который не грех поскорее спла-

вить куда-нибудь подальше. В общем, пользуясь мандельштамовским неологизмом, можно сказать, что пока наша *церковь с маленькой буквы* не столько растёт сколько *большевеет*.

Не хотелось бы здесь чрезмерно увлекаться иронией, но что поделаешь, если адекватной реакцией русского человека на давление и принуждение становятся, как правило, смех, иногда сквозь слёзы, ну и, конечно же, анекдоты. Лесков когда-то затрагивал тему забавного в церковном обиходе и в особенности «мелочей архиерейской жизни». Но думается, что современные рассказчики-специалисты могли бы подобных мелочей порассказать из той же жизни столько и в такой манере, что Лесков сам добровольно отправился бы на заслуженный отдых. Такого рода мелочи иногда просачиваются даже на телеэкраны. Чего, к примеру, стоит созданная одним из правящих владык рок-группа батюшек отнюдь не молодого возраста, промелькнувшая недавно на каком-то центральном канале. Многие зрители, наверняка, изумились: эх, во, попы дают! А попробуй не дай – мигом поедешь на захудалый приход в епархиальную «тмутаракань». Впрочем, чего здесь особенного, ведь когда-то многие помещики обзаводились крепостными театрами. И это ещё довольно безобидная забава. На то ли ещё бывает способна фантазия русского барина-самодура?! Разумеется, можете жаловаться. В лучшем случае письмецо истца просто канет в анналах патриархии, ну а в худшем – вернётся обратно в епархию с резолюцией «разобраться» и ляжет на стол ответчику. А там разберутся обязательно и по полной... Реакция сверху следует только в вопиющих случаях, выходящих на криминальный уровень и проникших, по крайней мере, в областные СМИ. Но мало у какого обиженного клирика хватит нескромности и энергии, чтобы раздуть вокруг своей проблемы серьёзный скандал.

Можно ещё долго выявлять общие черты современной церковной организации с крепостным правом красного большевистского оттенка. Непомерная бюрократия, интриги, лесть, слежка, доносы, угодничество, выслуживание и всё прочее, что непременно сопутствует обстановке подавления человеческой личности. Но всё-таки имеются и три момента отличия. Первый из них проявляется в новациях лексикона: например, не цензура, а информационный отдел; не барщина, а общие епархиальные мероприятия, не оброк, не тягло, а епархиальный взнос, не повиновение, а послушание, не подобоострастие и подхалимаж, а благоговейное почитание священноначалия и т. д., и т. п. Этот приём, блестяще себя проявивший в тоталитарных моделях XX века, замечательно сформулирован персонажем пьесы Бертольда Брехта: «Делайте что угодно, только формулируйте прилично». Второй же момент возник в результате вмешательства тлетворной европейской цивилизации во главе с Руссо. Это официальное запрещение телесных наказаний. Хотя наверняка найдётся в церкви немало досадующих по этому поводу частных религиозных устроений. Как бы хорошо было ряд специфических терминов, красиво и внушительно звучащих с растяжкой буквы «р»: «цир-р-р-куляр», «р-р-р-апорт», «р-р-р-езолюция», «пр-р-р-отокол», – продолжить столь гармонирующими с ними словами отечественного производства: «р-р-р-озги», «пор-р-р-ка». «выдр-р-р-ать». Впрочем, если кому нравится иностранная этимология и религиозно-интеллигентные обозначения, – пожалуйста: «духовная *дермосекция*».

Третье отличие можно указать в возможности священнослужителя и монаха в любой момент выйти из церковной системы, попросту говоря, уйти в мир. Да, конечно, за беглецом не погонятся с собаками архиерейские слуги. Кроме того, к великому счастью, на Руси сейчас инакомыслие не выжигается кострами по инквизиционным технологиям осифлян, не выкорчёвывается сталинскими расстрелами и лагерями, и даже в обыкновенную психушку – и ту не примут за «ересь» недовольства церковным режимом. Но

всё же лишение сана и уход в мир, во-первых, осложнены в социальном плане, т. е. нужно находить какую-то работу при отсутствии специальности; и чем старше возраст, тем это труднее. А во-вторых и в-главных, это чревато серьёзнейшим моральным надломом. Многие священники не мыслят себя вне богослужебного священнодействия: без литургического духовного питания душа просто может прийти в истощение. Но батюшке, попавшему под запрет от собственного архиерея, ни в какой другой епархии ничего не светит. Так что рычаги устрашения для подчинённых епископской власти весьма ошутимые, и потому это третье отличие церковного крепостничества от старорусского не так уж значительно, как может показаться на первый взгляд.

Но всё же «свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1, 5) ни в прошедшем, ни в настоящем, ни в будущем времени. Были, есть и, надеемся, будут в Русской Православной Церкви и епископы, и священники, которые вносят своим служением действительный свет и являют образ пастыря *Церкви с большой буквы*. Во всяком случае, авторы этой статьи свидетельствуют о том, что сами лично таких архиереев знают, а потому знают и альтернативу только что описанной церковной обстановке. Нелицемерная любовь к Богу и людям, что и является главной заповедью Христа, отражаясь во всём облике её носителя, невольно привлекает к себе людей, и не только церковных. Дело здесь не в идеализации человека: недостатков и человеческих слабостей можно сколько угодно обнаружить в любом из нас. Очень радует и обнадеживает сам факт того, что есть в нашей церкви епископы, обладающие главным, первичным, что ожидает человек от встречи со священником – внимания, понимания, сострадания и милосердия, иными словами, духовного тепла, в котором так нуждается наш холодный мир. Двери кабинета владык, о которых идёт речь, были открыты почти во все будние дни для приёма без всяких записей и для всех желающих: как духовенства, так и мирян и даже людей, что называется, с улицы. Естественно, что шли к такому владыке во многом не как к администратору, а как к отцу или, скорее, матери за утешением и советом. При этом все формальные процедуры были сведены к самому минимуму. Никаких рапортов, резолюций и прочей казённости. Тут уж что-нибудь одно: либо живых людей принимать, либо бездушные бумажки сканировать. Необходимые подписи проставлялись буквально в один миг. И оказывается, что это в современном хозяйственном управлении не только возможно, но и необычайно эффективно. Строительство, реставрация и прочие церковные дела делались быстро и просто. Епископ доверял людям и потому не обращал внимания на мелочи. Да, бывали издержки: кто-то злоупотреблял доверием, но потом либо раскаивался, либо в конце концов сам покидал епархию. В церковной обстановке чувствовался тот основополагающий стержень, без которого вообще *церковь с маленькой буквы* на земле просто не имеет смысла – дух истинной христианской любви архипастыря к своей пастве и паствы к архипастырю. Человеческая личность не просто виделась, но особо ценилась и поддерживалась; ласковым словом, доверием и ободрением она раскрывалась духовно и творчески, чувствуя в себе созидательные силы, которые не вдохнут в человека никакие постановления и директивы. Сетуящие на бедность и обременительность взносов изрядно облегчались от этого тягла или вообще освобождались. Причём облегчение доходило до такой степени, что епархиальный секретарь начинал роптать на то, что казна пуста и нечем, в свою очередь, платить оброк в патриархию. Надо ли говорить, что никаких насильственных мероприятий на епархиальном уровне не проводилось, никто не обязывался к присутствию на архиерейских богослужениях. В кафедральный собор приходские священники приезжали иногда сами, естественно, по своему желанию, как на праздник, послужить с владыкой, а заодно и побеседовать. Приём был всегда радушный: владыка расспрашивал о здоровье, хозяйстве, личных и семейных проблемах. На службе всё спокойно и благожелательно, не требовалось по-

стоянного напряжения, страха встать не там, повернуться не туда; никаких окриков и тычков, что, к сожалению, характерно для архиерейских служб во многих кафедральных соборах. Так что батюшки уезжали радостные и напитанные благодатью. Надо ли говорить, что от приглашений на службы в различные храмы епархии не было отбоя. Как для духовенства, так и для всех прихожан приезд владыки становился настоящим праздником, ещё долго вспоминаемым. Естественно, никаких денежных поборов и косвенных намёков на подобное стимулирование архиерейского визита, что уже во многих епархиях давно стало закономерным атрибутом. В адрес подобных «нестандартных» владык, естественно, раздавались и свои характерные упрёки. Правящие архиереи обвинялись, в основном, в попустительстве, *распустительстве* епархии и прочем подобном. Но такого рода молва и нарекания совершенно неизбежны, когда власть имущий чётко руководствуется принципом: лучше ошибиться и простить десять не заслуживающих прощения, чем наказать одного невинного или прощения заслуживающего.

Однако в настоящую эпоху постсоветского крепостного права в церкви архиереев с таким стилем управления приходится считать отнюдь не меньшинством, а счастливым исключением. Впрочем, «милый добрый барин», душу свою полагающий ради блага своих крестьян, и раньше был тоже отнюдь не правилом. Естественно, что чем более исключительный владыка окормлял какое-то время епархию, тем больший шок она испытывает от контраста, когда придет нормальный, «правильный» епископ. И в этом смысле священники, не знавшие подобных исключений и зачастую даже не верящие в принципиальную возможность таковых, находятся в лучшем положении. Будущий батюшка перед рукоположением, как правило, знает, на что идёт. Он особо ничему происходящему в епархии не удивляется, лишь бы быть подальше от начальства, если, разумеется, не слишком карьерная страстишка допекает; а в противном случае, наоборот, требуется почаще перед преосвященным мелькать. Но так или иначе здесь для него нечто вроде неизбежного стихийного проявления: смерть, болезни, неурожай, непосредственный контакт с управляющим епархией – тут уж ничего не поделаешь, надо смириться. Для прихода, по определению духовенства, существует три серьёзных бедствия: пожар, ограбление и приезд архиерея. А какого именно архиерея – не всё ли равно? Уйдёт один, пришлют другого, какая разница: лучше-то всё равно не будет. И тот также в свободное от служб время примется гнать официозную *пургу* перед прессой, ковыряться в рапортах, лобзаться или бодаться с администрацией города по поводу церковныхстрое-ний, а иногда то и другое одновременно. Потом ещё наплодит каких-нибудь прославленных Гоголем комиссий наблюдения за комиссиями рассмотрения, в основном, с целью исправного выколачивания денег для епархии. До реальных проблем подопечных клириков никому из них дела не было, нет и не будет. Как выразился один батюшка, всех их будто одна мамка родила. «Ну да ладно, пусть себе занимаются своими правящими трудами; жизнь епархии, слава Богу, продолжается, правда, не благодаря им, а несмотря на них, лишь бы мой приход и меня не трогали», – примерно такая мысль на сегодня прочно устоялась в головах многих приходских настоятелей нашей церкви. Но, впрочем, и архиереи, прекрасно зная отношение к ним духовенства, вовсе не отягощаются такими мелочами, руководствуясь очень утешительным принципом: если клирики дружно ропшут на своего владыку, – значит, в епархии порядок.

Понятно, что дело здесь не в том, что кто-то там наверху якобы специально, да ещё и за большие деньги, рукополагает в епископы каких-то плохих людей. Та самая «мамка» рождает и насаждает архиерейские плевелы зачастую уже после хиротонии – возведения в сан. Огромна нагрузка искушений, для сопротивления которым требуется соответственно огромная духовная защита. А где её взять? Ведь посмеиваясь и перемывая косточки Акакию Урюпинскому, как называет своего архиерейского типажа о. Павел

Адельгейм, сам не имеешь никакой гарантии, что на его месте не станешь ещё порочнее и смешнее. Здесь напрашивается образ автозавистника из известной песни В. Высоцкого, где её герой-пешеход негодует на всех собственников «Жигулей» до тех пор, пока сам не обзаводится этой машиной, после чего претензии его уже исключительно к водителям «Москвичей». Таким образом, в церковной организации ничуть не менее, чем в иных, бурлят и плещутся обычные волны житейского моря и веет дух мира сего.

Волны, подгоняемые этим духом, зарождаясь на своём высшем уровне вертикали власти, с успехом накатывают на все низлежащие слои и прослойки нашей *церкви с маленькой буквы*. Вполне закономерно, что матрица взаимосвязей между епископами и их клиром ~~транспонируется~~ **проектируется** на следующий уровень структурных отношений – между священниками и прихожанами. Прогибаясь под нелёгким бременем епархиального взыска, тягловый пастырь начинает всё яснее прозревать в своих пасомых овцах золотое руно, столь необходимое для вытягивания этого тягла. Ну и кроме того «шерстяной материал» вполне пригоден для ковровой дорожки, на которой обретается чувство устойчивости и даже вера... в собственную значимость. *Ведь не всё же валиться в ноги преосвященному: кому-то и перед тобой неплохо бы иногда простереться*. И для того, чтобы не запутаться в этих матричных сетях, чтобы противостоять надвигающимся волнам страхов и соблазнов, требуется немалая духовная стойкость. А если её не хватает, и священник становится проводником какой-нибудь очередной волны моря житейского, то такая волна естественно достигает следующего уровня – отношений церковных мирян друг к другу и к людям нецерковным. *Уж коли батюшки себе такое позволяют, то что же с нас-то грешных, немощных спрашивать?*

Кроме того, матрица вертикали власти помимо стяжательства и честолюбия никак не может обойтись без любви к самой себе, т. е. без властолюбия. Опыт простейшего рассмотрения видимых выражений невидимого духа любоначалия как во власть имущих, так и неимущих, подводит нас к выводу о существовании наряду с вертикалью церковной власти ещё одной вертикали, а именно – вертикали **отношения** к власти как таковой. Здесь имеется в виду не отношение к церковным или государственным властям, а степень, мера преклонения или устойчивости человеческого сердца перед возможностью властвовать над кем-либо. По этой вертикали человек способен в считанные мгновенья как взойти на небо, так и низринуться в преисподнюю. Всем известная поговорка: «если хочешь узнать человека – дай ему власть», очень даже справедлива для церковной организации в том числе. Отношение к возможности властвовать непременно выразится в отношениях члена церкви с вышестоящими по формальной вертикали власти, а также, если он сам занимает какую-то вертикальную отметку, – то и к подчинённым. Как правило, эти два внешне выражающихся аспекта отношений взаимосвязаны. Чем больше некий начальствующий стремится перепрыгнуть на высшую ступень служебной лестницы, тем больше средств для этого он видит в своих подопечных и использует их в этом направлении. Чем больше лебезит и заискивает перед вышестоящими власть имущий, тем пренебрежительнее, вплоть до помыкания, относится он к своим подчинённым. Но в то же время другая крайность – ненависть и даже борьба с властями – отнюдь не свидетельствуют о свободе от внутреннего порабощения духом властолюбия. Скорее наоборот: диссиденты нередко, совершив переворот, превращались в заправских диктаторов, ничуть не лучше и не мягче свергнутых. Перечень такого рода закономерностей можно продолжать дальше, а потому по проявлениям аспекта отношения к власти с внешним вектором вверх можно предсказать проявления у человека того же отношения с внешним вектором вниз.

Абсолютно свободный от любоначала Царь *не от мира сего* прошёл Своим Царским и средним путём между двух крайностей сквозь узкие врата, по обеим створкам которых подстерегал нашего Спасителя *князь мира сего*. Отвергнув соблазн власти, Христос не сопротивлялся государственной власти и не смыкался с нею, – покорялся, повиновался ей, но не служил ей, пользуясь её подачками и привилегиями. К сожалению, две части христианской земной церкви – Восточная и Западная – не смогли пройти этим Царским путём, но уклонились, каждая в свою сторону, в свою ловушку. На востоке в Византии, а в след за ней и в России отношения церкви с государством явили собой т. н. цезаропапизм – превращение императора в папу, т. е. когда глава государства активно управляет делами церкви, а церковь занимает роль государственной служанки. Римо-католический запад, в свою очередь, представил обратную картину – папоцезаризм, т. е. когда папа становится фактически императором в церкви, ведя при том борьбу за власть в государстве с его законным правителем.

Закономерным следствием закваски языческого властолюбия, породившего эти две модели церковно-государственного взаимодействия, стало их отношение к инакомыслию – отношение, совершенно чуждое христианскому духу. При тех или иных вероучительных спорах византийские базилиевцы уже потирали руки от предоставляющейся возможности пополнить ряды рабской бесплатной силы низверженными еретиками. Повторять оценку деяний “святой” инквизиции в том же контексте вряд ли имеет смысл. Во всяком случае, именно государственная машина власти, втёршаяся тем или иным образом в земную церковь как на Востоке, так и на Западе, привела к жутким антихристианским преследованиям за вероучительные противоречия. Казалось бы, апостол Павел ясно выражает отношение к людям, противящимся церковным постановлениям: «Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся, зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосужден» (Тит. 3, 10-11). Но ведь понятие отвращения не означает же преследования и репрессирования, а предполагает, со всей очевидностью, в худшем случае лишь прекращение человеческих контактов. К сожалению, в эпоху императора Юстиниана (VI в.) в церкви прочно закрепился взгляд на не согласных с соборными определениями именно как на государственных преступников, повинных жестоким наказаниям. И до сих пор подобное отношение к инакомыслию, насаждённое князем мира сего, даёт свои печальные всходы в нашей *церкви с маленькой буквы*.

Вооружённые хорошо слаженной матрицей власти церковные крепостные оковы просто не могут не простираться на такую религиозную область как православное богословие. Уж крепить, так крепить, а тем более человеческую мысль, которая постоянно норовит заявить о какой-то свободе. То, о чём говорил в своём дневнике прот. А. Горский, а именно: «*всё, что напишешь нового о догмате – будет сочтено ересью*», остаётся на сегодня не просто в силе, а в силе удвоенной, если не утроенной. Помнится, преподаватель догматического богословия как-то предостерегал некоего любителя писать чего-то подобное: «не забывай, что у нас сезон охоты на ведьм ещё никто не закрывал». Полбеда ещё, если цензор или ревностный борец за чистоту Православия, повинаясь своему частному религиозному устройению, искренне выискивает крамолу. Однако нередко в ересеборчестве усматривается прежде всего надёжное средство выслужиться и сделать очередной карьерный шаг. Так что призывы к развитию православной богословской науки, исходящие от маститых церковных писателей русского зарубежья XX века, не должны вторгаться на территорию нашей крепостной юрисдикции. Здесь в России они становятся откровенной провокацией, в особенности для молодых наивных батюшек, склонных ко всяким религиозным рассуждениям и не готовых ещё к дилемме публичного отречения или расставания со своим саном. Прецеденты *опускания*

современных «еретиков» по добротным большевистским технологиям борьбы с оппортунизмом имеются.

Несмотря на зычные призывы заморозить православное богословие до абсолютного нуля по Кельвину, забронировав и запаяв догматический гербарий, всё же какие-то крохотные сдвиги в переосмыслении схоластических штампов происходят. Жизнь ведь даже из-под асфальта иногда травкой пробивается. Некоторые мысли прот. Г. Флоровского, И. Мейендорфа и В. Н. Лосского иногда цитируются сейчас в положительном контексте. А вот достать сегодня упоминавшуюся уже статью В. В. Болотова «Тезисы о Filioque» не намного легче, чем роман Солженицына в брежневскую эпоху. Не лучшую долю по сей день влачит в нашей церковной ограде память талантливых русских богословов, философов и проповедников, таких как оо. Павел Флоренский, Сергей Булгаков, Александр Мень, заслуженно воспринимаемых западной религиозной мыслью как лицо русского Православия последней эпохи. Зато в нашей крепостной церкви Булгаков и Флоренский – еретики, а Мень вообще жидомасон, агент мирового сионизма, оккультист и католик в одном лице, а потому книги их желательно просто сжигать. Подобное мнение свойственно отнюдь не меньшинству, а достаточно внушительному большинству русских православных, которые, разумеется, вообще хоть краем уха слышали эти имена. И таки сжигают: кто на огне своего индивидуального религиозного устройства, а кто и отнюдь не символически.

Подчас обличения в ереси невольно обращаются против самих обличителей, обнаруживая позицию, принципиально отвергнутую православной Церковью. Например, вероучительные обвинения о. Сергия Булгакова нередко обосновывают ссылками на указ патриаршего местоблюстителя митроп. Сергия (Страгородского) от 7 сентября 1935 г., где многие взгляды русского мыслителя-богослова провозглашаются несовместимыми с учением Церкви. Но при этом православные христиане почему-то забывают о том, что они вовсе не католики, у которых исповедуется догмат о непогрешимости папы. Православный патриарх, безусловно, имеет административную власть в пределах Поместной Церкви, но он отнюдь не наделяется полномочием выносить вероучительные определения, распространяющиеся на всё Православие: такое право принадлежит исключительно Собору, по крайней мере, Поместному. Богословские взгляды патриарха Сергия, также как и взгляды В. Н. Лосского и других православных христиан, противостоящие точке зрения прот. С. Булгакова, должно признать лишь частными богословскими мнениями, и не более того. В противном случае патриарха требуется *де факто* провозгласить *Папой Московским*, что, в свою очередь, предполагает далеко идущие следствия. Например, известную декларацию от 1927 г. о лояльности Церкви в отношении советской власти уже нужно считать не просто политически мудрым компромиссом, направленным на выживание Церкви в жесточайших условиях гонений, а именно каноническим документом. Но тогда все православные христиане по сей день обязаны дружно голосовать за коммунистов и бороться за восстановление их режима.

По-прежнему достаётся диакону Андрею Кураеву и А. И. Осипову: чуткий, ревностный нюх обнаруживает в их вероучительных интерпретациях чуть ли не все классические ереси. Однако достаточно большая известность этих имён и определённая протекция сверху не позволяет любителям аутодафе насладиться столь прекрасным зрелищем над современным «воинством сатаны». Так что всё богословское, что кому-то приходит в голову писать вне кавычек, заключающих цитаты Св. Писания и свв. Отцов, может в любой миг оказаться неправомыслием (см. [приложение II](#)).

Зато литературу различных антисемитских оттенков можно вполне легально приобрести во многих церковных лавках: её даже подчас особо предлагают продавцы, и от-

нюдь не в коммерческих целях, а ради самой идеи. Кстати, в этом направлении можно обнаружить настоящий авангард, которому позавидовали бы даже Гиммлер и Геббельс. Продаются, например, лазерные диски с таким, казалось бы, безобидным содержанием, как толкование на книгу Бытия. Однако под конец диска в подведении итогов его автор, будучи преподавателем одного из богословских институтов, и притом прекрасно владея приёмами современного нейро-лингвистического программирования, бросает в слушателя в качестве якоря весьма примечательную карту «бытия». Оказывается, среди нас существуют потомки первого убийцы, Каина, совершившего ритуальное убийство Авеля, – т. н. каинитяне. Всем православным надо уметь их распознавать по характерным приметам: каинитяне стенают и трясутся, отираются вокруг церкви, затем затёсываются в неё, дабы получить оттуда жизненные силы, а ещё очень любят приносить ритуальные жертвы. Иисуса Христа они, оказывается, также распяли на Голгофе исключительно в качестве ритуальной жертвы дьяволу. Как нетрудно догадаться, несмотря на некоторые *фиговые* конспиративные прикрытия, это всего лишь обыкновенные евреи. Так что тут мы напрямую имеем дело с богословскими экзегетическими новациями уже необыкновенного фашизма, прорывающего своими шипами всякие упаковки и камуфляжи. Во многих странах автору подобной экзегезы пришлось бы уже излагать её в следственной камере.

Вне всякого сомнения, крепостная ситуация, охватывающая множество сторон церковной жизни, включая богословие, не может не проецироваться и в сферу православного религиозного образования в России. Главным отличием семинарий XXI-го века от семинарий века XVIII-го является опять-таки то, что их учащиеся не секут телесно. Быть может, в силу этого полная программа изучения греческого и латыни оказалась не усвояемой в массовом объёме, что нередко вызывает сожаления у некоторых представителей учебного комитета РПЦ. Ведь до чего же эффективен был когда-то метод массового и необременительного для преподавателей обучения языкам с помощью простой чёрной бумажки с латинским названием «*calculus*». Все учащиеся семинарского класса должны были говорить только на латыни. Кто произносил хотя бы одно русское слово, достаивался ношения на спине этого невзрачного листика. Передать его он мог и должен был своему однокласснику, от которого, в свою очередь, услышал русское слово. На ком в субботу обнаруживали *calculus*, того секли розгами. Изобретён эффект *calculusa* именно в России в начале позапрошлого века, так что наши Кулибины преуспевали не только в технике, но и в дидактических методиках, позволяющих при надлежащем использовании добиться серийного производства полиглотов. Однако нынешней системе церковного образования поневоле приходится отдавать дань либерально-демократическим требованиям нецерковной общественности и ограничиваться только моральной поркой семинаристов. Но в остальном бурсацкий дух почти безраздельно царит в наших т. н. духовных школах, доводя учащихся своей тотальной слежкой, зубрёжкой и *смирёжкой* до кроткого оупения. Не так давно епископ Иларион (Алфеев) в книге «Проблемы и задачи русской православной духовной школы» представил достаточно красочную документальную развёртку этих «духовных» проявлений, запечатлённых когда-то в литературных этюдах Помяловского. В семинариях, как и в советских ВУЗах, не говоря уже о школах всеобуча, основная масса учащихся заинтересована отнюдь не в получении знаний, а исключительно – корочек, придающих человеку статус имеющего среднее или высшее образование. Соответственно и отношение таких школяров к научным дисциплинам измеряется не в категориях понимания и изучения, а в категориях прохождения и сдачи; благо, в Интернете вполне можно при желании откопать почти готовую курсовую и даже диплом. Не удивительно, что при такой обстановке увеличение количества обязательных предметов программы пропорционально ухудшает

общее качество их освоения. Интересно, сколько можно обнаружить смысла в прохождении студентами курса такого предмета, как миссиология, если к концу семинарского обучения они забывают, сколько Лиц у Пресвятой Троицы (этот совершенно конкретный пример взят из только что упомянутой книги владыки Илариона)?

И тем не менее никакая тьма не может объять свет, даже тьма нашего церковного просвещения. Разумеется, что не только архиереи, но и преподаватели, и студенты всё же нет-нет, да пробиваются к живому и глубокому обучению, но опять же не благодаря, а вопреки... По этому поводу еп. Иларион пишет следующее:

Многие наши студенты испытывают крайнюю неудовлетворенность теми методами обучения и теми учебными программами, которые существуют в духовных школах. Не имея условий для самостоятельной работы, они пытаются сами их для себя создать. Один мой знакомый священник проучился четыре года в семинарии, потом четыре – в академии. Его как-то спросили: "Как же вам удалось сохранить способность мыслить?" Он ответил: "В последние пять лет учебы, начиная с четвертого класса семинарии, я во время лекций затыкал уши ватой и читал книги – творения Святых Отцов, философскую литературу. Другого выхода у меня не было".

Еще один мой знакомый, учась в духовной семинарии, разработал свою собственную параллельную программу, по которой самостоятельно занимался. "Осенью я буду изучать Платона, – говорил он мне, – зимой – Аристотеля, весной думаю перейти к стоикам. Каждый день я по часу читаю Отцов Церкви, по полчаса занимаюсь греческим и по полчаса – латынью". Кто-то может спросить: откуда у этого семинариста было столько свободного времени? Ответу: он по ночам работал сторожем на птицеферме.

К сожалению, птицефермы не слишком часто строят вблизи от духовных семинарий и академий, а потому такие любители знаний в этих учебных заведениях представляют собой всё же подавляемое меньшинство, переходящее в редчайшее исключение. Но ещё полбеды, если бы бурсацкая обстановка наших духовных школ глушила в душах учеников только любовь к изучению богословских дисциплин: увы, она глушит ещё и гораздо более ценные душевные побегі. Нередко молодой неопит, обратившись к семинаристу с вопросом о том, стоит ли поступать в семинарию, слышит краткий, но очень содержательный ответ: если хочешь окончательно потерять веру, – поступи.

Сойдём теперь по лестнице церковного образования на ступень ниже, а именно, к вопросу о смысле введения в школах обязательного предмета под названием «Основы православной культуры». Конечно, очень бы нам хотелось вложить в наших детей, помимо необходимых знаний естественных и гуманитарных наук, также и представление о смысле человеческой жизни, о богооткровенных истинах и о религиозном пути человечества. Но суть-то в том, что знания о Боге – это одно, а знание Бога и стремление к Нему – это совсем другое. А, следовательно, и подлинно религиозное образование человека очень сильно отличается от образования в области иных источников знаний. Как показывает опыт преподавания в школах литературы – предмета по своим особенностям наиболее близкого к тому самому ОПК – можно вбить в голову ребёнка достаточно большой объём знаний: когда писатели жили, что и о чём писали, – но при этом всерьёз и надолго отбить вкус и желание читать этих *пройденных* в школе авторов. И часто прилежные когда-то ученики спустя лишь десяток, а то и более лет заново открывали для себя Пушкина, Гоголя, Достоевского. Только после изрядного проветривания от всех школярских литературоведческих штампов, стали они способны полюбить русскую литературу. Да, были и в советских школах единицы на многие сотни преподавателей, чья педагогическая харизма пробуждала у воспитанников подлинный интерес к чтению вписанных в школьную программу книг. Но таковые исключения, как правило,

входили в определённый конфликт и с буквами программы, и с дирекцией школы, да и с учительским коллективом, плохо понимавшим чудачества своих коллег-выскочек. Так что в целом обязательство школьного литературного преподавания приносила на алтарь литературы гораздо больше вреда, чем пользы.

Не больше положительного вклада в освоение детьми главной заповеди о любви к Богу внесло преподавание в дореволюционных школах «закона Божиего». Кроме того, дидактический инструментальный этого предмета, включавший в себя линейки и розги, с изрядным успехом превращал его в подготовительный класс «научного» атеизма. Вряд ли система обучения в современных бурсах своей подготовкой кадров для школьного преподавания способна внести серьёзные коррективы в освоение «закона Божиего». Разве что более академическое название этой дисциплины, а также набор быстро и удобно впитываемых националистических идей, насколько легко прячущихся за Православие, настолько же далеко по духу от него отстоящих. И здесь, к сожалению, приходится задаваться вопросом о том, что мы прежде всего хотим получить на выходе от выпускников школы: либо сумму знаний о религии, либо всё-таки религиозность.

Но не только застой в образовании, управлении, богословии и иных сторонах жизни *церкви с маленькой буквы* угрожает её соскальзыванию в тупиковую смертельную колею. Оказывается, что крепостные цепи, сковавшие церковный организм, отнюдь не мешают его прорыву в номенклатурную элиту нынешнего Российского государства. Образовавшийся после крушения марксизма идеологический вакуум постсоветского пространства уж очень хочется чем-то заполнить – и не только государственным мужам, а подчас и представителям церкви. Но поскольку ничего нового сколько-нибудь серьёзного для этой цели так и не подворачивается, да и вряд ли подвернётся, то взор невольно обращается к плохо забытому старому, т. е. к православию как одному из звеньев русской парадигмы XIX века: «*православие – самодержавие – народ*». Оправдывающей ширмой и даже искренними благими намерениями здесь может служить идея возвращения к православной христианизации русского государства. Но, к счастью, на сегодня отдельными церковными иерархами достаточно хорошо осознаётся, к чему может привести реставрация подобного альянса Церкви и государства, которая даже сравнивается ими с тем самым повторным «наступлением на грабли».

Одно дело православие как идеология, помогающая доводить до «смирения», «послушания» и «безмолвия» собственный народ, а другое – исполнение христианских заповедей на государственном уровне. Здесь естественным образом потребуется их расширение в соответствующем мировом масштабе, например, возлюбить другие народы и государства как своё собственное. Но кто же, спрашивается, из наших политиков возжелает эдак расширяться? Уж если богобоязненные цари и короли зачастую видели в Церкви прежде всего инструмент для достижения своих политических целей, то что можно сказать о светских президентах и их министрах, в лучшем случае слегка религиозных? Да и земная наша церковь в силу своей не слишком великой буквы тоже вряд ли решится на этом настаивать: тут ведь совсем не то, что призвать к «православному» мечу супротив неверных и поганых.

Упомянутый уже образ вавилонской башни напоминает нам простую истину: разъединение человеческих существ лучше их соединения порочной направленности. Отсутствие церковно-государственной симфонии всё же приятнее духовному слуху, чем фальшивые звуки гимна «союзу нерушимому». И наконец, прослушивая различные *репетиции оркестра*, можно уверенно сказать, что тишина, в свою очередь, намного безопаснее громыханий воинственного державного марша в православной аранжировке, где церкви отводится партия идеологического придатка взамен на материальные подачки.

Исполнение подобных произведений посредством увесистых дирижёрских палочек способно напрочь заглушить голос Божий в человеке. Здесь речь уже идёт не о фальшивках и подделках, а об оружии выхолащивания и уничтожения самой духовной основы церковного общества, что гораздо страшнее любых гонений и рассеяний. Но для той души, которая по природе христианка, как-то предпочтительнее протискиваться в подвалы церкви – «опиума и врага народа», нежели маршировать по ковровым дорожкам в «церковь государственной безопасности». А потому уж лучше открытое безбожие со стороны государственной власти, нежели «благочестивое» доведение Церкви до полицейского казённого православия. В данной связи интересно вспомнить, что преп. Амвросий Оптинский когда-то на вопрос о том, кто его научил молиться, ответил: бесы. Так что, по-видимому, с помощью того же механизма «от противного» и воинствующие атеисты могут привести человека к вере, а воинствующие христиане – оттолкнуть от Христа. Но есть ли смысл опять вынуждать Небесного «Всехитреца», как именует Христа одно из наших богослужебных песнопений, вновь идти на хитрость и попускать очередную агрессивную среду для православной Церкви, привлекая тем самым свободу духовных искателей к «запретным» плодам христианской веры?

Похоже, что и тех самых духовных искателей, стоящих у церковных дверей с вопросом «войти – не войти», настораживают не столько явные пороки духовенства и церковных христиан, сколько подмены и подделки – иными словами, тьма, выдаваемая за свет. Первое можно спокойно обойти и пойти дальше: благо, грехи и слабости человеческие никем в церкви не рекламируются. А вот во втором есть опасность либо незаметно и глубоко увязнуть, либо стать изгоем в качестве еретика, прельщенного, масона, а то и просто диверсанта, заброшенного врагами православия. Всё это на сегодня отбрасывает мыслящих людей от Церкви гораздо эффективнее, чем любая атеистическая пропаганда. Ну а как же тогда, спрашивается, главнейшие христианские добродетели – смирение, послушание и, наконец, безмолвие, без которых невозможно угодить Богу? Да, несомненно, всё это суть величайшие ценности человеческой личности и вместе с тем незаменимые средства продвижения к Богу по религиозному пути. Но, как мы знаем, чем выше ценность какого-либо ювелирного изделия или предмета искусства, тем чаще и изощрённее встречаются подделки под него. А потому и дана нам заповедь Самим Христом не судить по наружности. В противном случае отношение Молчалина к Фамусову нужно будет квалифицировать как христианскую добродетель крайнего смирения. Следовательно, всё дело в глубоких внутренних намерениях. Действительно, такое явление иноческой жизни, как *старчество – послушничество*, известное многим нецерковным людям зачастую лишь из «Братьев Карамазовых» Достоевского (старец Зосима – Алёша), имеет неисповедимое количество всевозможных фальшивок и подмен. К сожалению, и у подлинного старчества, и у истинного послушничества столько же общего со многими по наружности аналогичными явлениями в современных монастырях, сколько у университетской докторантуры с казарменной дедовщиной. Эту тему во всех её печальных подробностях отчасти освещает недавно появившаяся в Интернете работа монахини N «Плач третьей птицы».

В церкви, как и в любой организации со своим управлением, несомненно, требуется и подчинение, и дисциплина, и местами строгость. Точно так же любому христианину необходимо развивать в себе и терпение, и смирение, и кротость – экзистенциальные проявления рая, царствия Божиего, в собственном сердце. В противном случае на старости лет его характеру гарантирована и раздражительность, и обидчивость, и брюзгливость – проявления ада в том же месте нефизического сердца. Однако моделированием жизненных ситуаций с подсказкой правильных решений в голосе совести, требующих от нас проявления данной нам свыше силы воли, обуздания негативных выплесков, а

также правильного выбора занимаются наши невидимые помощники, в частности, Ангелы-хранители, осуществляющие провиденциальный замысел о каждом конкретном человеке. В отдельных редких случаях аналогичная душепопечительная миссия также свыше вручается профессорам духовной науки – преподобным отцам. Это те, кто экзистенциально, т. е. в состоянии своего сердца, уподобился ангелам и стал их духовным собеседником. В таком случае подвижник-аскет имеет право называться старцем в высшем смысле этого слова. Разумеется, что движущим мотивом старчества является исключительная любовь к послушникам, открывающая сознанию старца их личный духовный путь. В свою очередь, послушник, вверяя себя в руки старца, также должен иметь за плечами определённый религиозный опыт и чётко представлять себе цель этого решения. Цель же его заключается в проявлении образа Божиего в самом себе, исполнение воли своего истинного, *нового человека* (Еф. 4, 24), а средство – отказ от воли собственного эгоистического начала, мнимого, *ветхого человека* (Еф. 4, 22), с помощью Божественного посредника – старца. Послушание человеку есть способ научиться слушать, а затем и слышать голос Бога в самом себе. Но без надлежащего аскетического опыта и силы духовной любви, которые не даст человеку сам по себе никакой сан и никакой возраст, любые потуги воспроизвести по наружности старчество, как, впрочем, и послушничество, становятся, по выражению митроп. Антония (Блума), всего лишь обезьянничеством. Преп. Серафим Саровский когда-то называл это лжестарчество и младостарчество *чуждопосетительством*.

Само собой разумеется, что в подобных случаях в отношения между самозванным наставником и горе-учеником запросто внедряются самые низменные и отвратительные пороки, достаточно вспомнить знаменитый пример Распутина. Тщеславие, корысть, интриги, похоть, угрозы, помыкание вплоть до откровенного садизма, – и всё это усугубляется ещё тем, что прячется за благочестивые словосочетания и выдаётся за заботу о душе. Иногда даже сам лжестарец убеждён, что таким руководством спасает своего несчастного послушника от геенны огненной. В армии хоть все понимают, *что* такое дедовщина, и знают, что это невольное мучение имеет свой срок. А вот тоталитаризм, в большей или меньшей степени пребывающий не только в сектах, но и в нашей церковной ограде, способен долго оставаться не опознанным своими жертвами.

Отрадно, что в последнее время в выступлениях патриарха и в некоторых материалах современной православной прессы звучат предостережения против подобных извращений и подмен. Однако печально, что такого рода подделки уже успели в значительной мере дискредитировать сами имена проявлений высших христианских добродетелей и духовных подвигов. Со словом «послушание» происходит точно такая же профанация и вульгаризация, как и с термином «догмат». Такого рода процессу, к сожалению, также способствует употребление этого слова в нашем церковном обиходе совсем в другом значении, для которого гораздо больше подходят иные общепринятые обозначения. Например, послушанием нередко сейчас называют выполнение поручения от вышестоящего по церковной иерархии, обычное подчинение, исполнительность, а также просто должность или работу в монастыре или церковной организации. Но ведь это весьма значительно отличается по своему внутреннему содержанию от того, что стоит за исполнением послушником данного ему благословения старца. Впрочем, и ряд других слов из религиозного лексикона подверглись и подвергаются до сих пор искажению и принижению смысла, и притом настолько, что для выражения их высшего первоначального понимания приходится прибегать к многочисленным оговоркам, пояснениям и даже вообще к другим терминам. Это понятия, стоящие за такими словами как «смирение», «покаяние», «любовь», «красота» и др., но в особенности, конечно же, за словом

«духовность», предполагающим цель и вместе с тем положительный стимул религиозной жизни христианина, о котором нужен особый серьёзный разговор.

Но не одолеть вратам ада Церковь ни с большой, ни с маленькой её буквы. Редкие управляющие иного исключительного типа, *не от мира сего*, как раз и служат в нашей обуреваемой ветрами церкви своего рода человеческим поддерживающим каркасом, а заодно и волнорезами. Они блокируют или изрядно смягчают жёсткие пенные волны, набегающие от центра моря, обеспечивая тем самым относительный штиль в бухте своего управления. Они, посланцы *свышнего мира*, по сути, поддерживают своей жизнью существование церкви на земле, предотвращая критическое отклонение её равнодействующей к губительной *содомской* отметке. В то время возникающий покров мирного духа над их епархией воспринимается как само собой разумеющееся, и кажется, что во всём церковном устройстве происходит точно так же: а как иначе? Но вот наступает момент смены управляющего, и... её клирики, да и вся область, вдруг чувствуют на себе такие удары волн, что многие начинают захлёбываться и тонуть, и хорошо ещё, если новый владыка становится не усилителем их, а всего лишь проводником. К сожалению, подобное несчастье не так давно постигло Лондонскую епархию. После ухода своего выдающегося приснопамятного окормителя, митрополита Антония (Блума), не в силах вынести накатывающих тех самых волн, причём сравнительно смягчённых, без рёва и угрожающих бурюнов, отошла она в юрисдикцию Константинопольского Патриархата.

5) в кризисе положительного религиозного стимула?

В адрес нашей православной церкви, а скорее, в адрес проповедей и выступлений священников очень часто можно услышать примерно такую реакцию:

– Почти всё, что нам хочется, как оказывается, запрещено. Того не трогай, этого нельзя, тут грех, там бесовская ловушка. Ладно, допустим, откажусь я от того и от этого, а что мне останется: пост, молитва, покаяние, хождение в церковь, милостыня, терпение, прощение и т. д.? Ну и сколько можно человеку продержаться в таких рамках, тем более, что сами батюшки отнюдь себя ими не ограничивают? Значит, церковь фактически предлагает следующие стимулы: если будешь делать то, что охота, т. е. грешить – попадёшь на том свете в ад на вечные мучения; а если будешь делать то, что неохота, т. е. добродетели, – на том свете получишь от Бога жалованье в виде райских наслаждений. Ну что ж, ваши религиозные основания, конечно, предоставляют человеку конкретную заинтересованность в собственной нравственности, в отличие, например, от коммунистических, предлагающих блюсти моральный облик, несмотря на то, что конец морального и аморального человека одинаков – абсолютное небытие. Однако для того, чтобы долго продержаться на таких стимулах, требуется не просто вера, а натуральный фанатизм, как у некоторых сектантов. А нет, так всё равно захочется грешить, и что: грехи – кайся, опять грехи – опять кайся, зная, что тут же опять пойдёшь грешить? Но ведь это же зовётся не иначе, как лицемерием, которое, кстати, успешно процветает в вашей церкви? Вот был бы какой-то положительный стимул во всех этих христианских требованиях, действительно вселяющий вдохновение, открывающий радость религиозного пути, а то ведь всё одни запреты, ограды да запугивания, один негатив.

Несмотря на некоторый примитивизм такого рода восприятия обличительных христианских проповедей, в нём всё-таки просвечивает своя сермяжная правда. Да, действительно, проповедники иногда глубоко и тонко вскрывают все оболщания потребительского общества и нынешних «красот» компьютерной цивилизации, указывают на многие духовные ловушки и мнимости её легкодоступных благ. Мы благополучно высвечиваем уголки нынешнего оккультизма, «срываем все и всяческие маски» с модерни-

заций языческих проявлений, идентифицируя их с древними формами магии. И здесь, в этом критическом отрицательном аспекте, у нас почти всё в порядке, ... только этого мало. Говорим мы также и о том, что язык Библии предполагает многочисленные антропоморфизмы, рассчитанные на детский духовный возраст многих читателей, а вообще-то Бог не может ни мстить, ни наказывать в собственном смысле этих слов, но любой грех приносит деструктивные изменения в нашу психику и сознание. Но и этого мало.

Дело в том, что если человек не почувствует, не переживёт на собственном опыте вкус радости духовной жизни, то долго идти по этому пути он не сможет: непременно последует либо срыв, либо подмены и подделки. На одних запретах и страхе за *душевную шкуру* далеко не уедешь, хотя в определённой мере, в особенности на первых ступенях, они совершенно необходимы. Анализируя мотивы ухода человека в монастырь, преп. Иоанн Лествичник сравнивал подобный отрицательный стимул с фимиамом, который в начале благоухает, а потом издаёт смрад, если, конечно, не будет заменён чем-то высшим. Настоящего призвания к духовному пути не может состояться, если сердце хоть в какой-то мере не вкусит того, что превышает любого земного блага. В противном случае всё равно останется непонятным, зачем нужны все эти многочисленные отказы от удовлетворения известных человеческих желаний при наличии соответствующих возможностей. Неужели, в конце концов, Бог такой жестокий, что допустил для человека столько всяких душевно-телесных удовольствий, а Сам потом за них шкуру дерёт? Разве не знает Он, насколько падки мы на всё это? Так что непременно надобно душе хоть краешком глаза взглянуть на нечто лучшее, чем то, к чему она привыкла на земле в продолжении дней своих. «Подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал всё, что имел, и купил ее» (Мф. 13, 45-46).

Коснёмся теперь довольно типичной ситуации, которая высвечивается в рассказах о собственной духовной жизни многих тысяч российских постсоветских христиан, которые в какой-то момент открыли для себя церковную дверь и сделали шаг внутрь. Робко, с превеликим волнением решился человек на исповедь, причастился, затем приобрёл молитвослов, стал ежедневно молиться утром и вечером, соблюдать посты, ходить в храм, а потом неожиданно для себя вдруг довольно быстро и рьяно принялся исполнять всё, что требует элементарная православная дисциплина. Словом, человек воцерковился. На душе стало легче, всё церковное как будто согревает: богослужения, иконы, умиленное церковное пение, духовная литература, – всё такое новое и интересное. Как же раньше-то я мог без этого жить, да и как другие живут донныне!? Всем хочется об этом не то что говорить, ... – кричать, немедленно всех привести к вере, чуть ли не затолкать на исповедь, к причастию. В общем, душа почувствовала себя как блудный сын из известной притчи, которому после его возвращения закатали совершенно неожиданно и незаслуженно грандиозный пир, заколов откормленного телёнка. Но вот проходит год, другой, третий и ... постепенно всё становится привычным, обыденным, всё прочитано и перечитано, ничего принципиально нового в религиозной литературе не появляется, в церкви тоже почти всё выучено наизусть. Заходишь туда – свечки, иконки, – ну делаешь всё, что положено, говоришь положенные слова, иногда даже думаешь положенные мысли – да, грешный, недостойный, сплошные страсти, никаких сдвигов к лучшему, ... так а дальше-то что? В общем, пир закончен, телячьи косточки обглоданы, и ничего вкусного как бы не предвидится.

И вот подходит тот самый кризис положительного религиозного стимула, который несколько напоминает семейную жизнь после остывания влюблённости. Однако подоб-

ный кризис так же закономерен, как и выпадение молочных зубов у детей в раннем возрасте: его в той или иной степени и форме переживают в том числе и те, кто с младенчества воспитывался в православной семье. Но есть и отличие: у детей со временем обязательно прорезаются коренные зубы, и процесс этот не зависит от поведения ребёнка. А вот зародится ли коренная религиозность у человека после выпадения религиозности молочной – это под вопросом и во многом определяется интенцией и волей самого человека.

Кроме того, духовный кризис может долго оставаться не только не преодоленным, но даже и не осознанным. Вполне воцерковленный и вполне благочестивый по наружности христианин при этом вполне может держать главное сокровище сердца своего, т. е. самое пылкое желание, в области хлеба и зрелищ, понимаемых, разумеется, в самом широком смысле (Мф. 6, 21). Но православную совесть ведь тоже нельзя обижать. В таком случае религиозности в душе благополучно отводится некоторый скромный закуток, где все требуемые церковным уставом действия и слова быстро превращаются в отработку и вычитывание, предоставляемые в определённое время в качестве отчёта Всевышнему, дабы не попасть на том свете на сковородку. Но хлеб и зрелища – это ещё не самый тяжёлый случай: тут хоть человек осознаёт, к чему клонится душа, и это его постоянно угрызает, а, следовательно, есть вероятность выхода из тупика. Бывает гораздо хуже, когда у человека начинает развиваться вкус к демонстрациям наружного благочестия, внутреннему самопревозношению, начётничеству, не говоря уже о всякого рода соперничестве, интригах в церковных делах и т. д., и т. п. – всему тому, что Спаситель обозначил понятием «закваска фарисейская» (Мф. 16, 6). А это уже, в свою очередь, говорит о том, что тьма человеческим сознанием постепенно начинает приниматься за свет (Мф. 6, 23). И в довершении всего рождается железобетонная апология такого выцветшего, сумрачного христианства.

Не подобает искать никаких духовных ощущений в молитве, иначе запросто впадёшь в бесовское прельщение: ведь предостерегали же многие святые Отцы, в особенности свт. Игнатий (Брянчанинов), от всяких там молитвенных наслаждений и прочей мистики. С этими вещами, в крайнем случае, пусть всякие там аскеты, исихасты разбираются, а мы будем просто как положено читать молитвенные тексты от сих до сих, ходить в храм, периодически исповедоваться, причащаться и всё прочее делать, что требуется от православного. С нас этого хватит; и надеемся, за все наши православные труды Бог нам заплатит спасением, ну а нет, так это останется на Его совести.

Но, быть может, действительно, только на том свете следует оплата религиозных трудов, а здесь – лишь терпение и самопринуждение? Нет, это отнюдь и далеко не так. Более того, преп. Симеон Новый Богослов неоднократно предупреждал о том, что если душа человеческая в своей земной жизни не разовьёт вкус к духовным благам, то на том свете в раю ей просто окажется нечего делать – скучно, так сказать. И если Таинство причастия не принесло сердцу духовного благодатного переживания, то ничего в действительности и не произошло. Следовательно, здесь мы и призваны развивать этот вкус, а значит, непременно опытно познать хотя бы в какой-то мере то, что в несравненной полноте должно открыться за пределами нашего мира. Разумеется, трудно описать человеческими словами и образами различные проявления благодати в человеческом существе. Свв. Отцы неоднократно в этом случае приводили пример о невозможности объяснить вкус мёда тому, кто ни разу его не пробовал. Но всё же в некоторых фрагментах Св. Писания такого рода попытки предпринимаются, иначе вообще у нас бы не осталось никаких ориентиров в подлинно духовной жизни.

Слова и словосочетания «любовь», «мир», «соль», «живая вода», «небесный хлеб», употребляемые Иисусом Христом в различных контекстах, дают нам некоторое представление о качестве нефизического ощущения человека при наитии благодати. Накопление, приобретение, стяжание именно её, благодати, Божественной энергии, именуемой также духом Божиим, Святым духом (в значении, отличном от третьего Лица Пресвятой Троицы), преп. Серафим Саровский определял как цель и смысл христианской жизни. Но как можно копить и стяжать то, о чём не имеешь никакого представления и даже отказываешься получить таковое представление? как можно любить Бога, Которого вообще не знаешь и отказываешься знать? В беседе с Никодимом Спасителем ссылается на восприятие человеком наития Божественного духа, и когда Никодим обнаруживает своё непонимание Его слов, то слышит в свой адрес следующий упрёк: «Ты – учитель Израилев, и этого ли не знаешь?» (Ин. 3, 10). Сразу же напрашивается закономерный вопрос: а знаем ли это мы, христианские священники, учителя Нового завета? Не случайно ещё преподобный Серафим с болью констатировал, что «многие особы духовного звания не знают смысла христианской жизни». А потому гораздо большим дьявольским прельщением становится отказ человека, называющего себя христианином, идти по пути опытного мистического познания благодати от страха перед дьявольским прельщением. И это равным образом касается как монахов, так и мирян. Осторожность – одно, а пассивность – совсем другое; волков бояться – в лес не ходить. Думается, что даже лучше честно ошибиться и угодить в т. н. *прелесть*, нежели в ленивом удовлетворении собственной боязливостью зарывать свой духовный, пусть и один единственный талант в землю.

Продолжая разговор об образах благодатного воздействия на человека, нужно отметить, что чаще всего в данном случае Сын Божий в целом ряде наставлений и притч, а также его ученики в своих посланиях прибегают к понятию «свет». И это отнюдь не абстрактная метафора, к которой мы привыкли, подразумевая некий объём научной или философской информации и которая в отношении к богопознанию была официально отвергнута православной Церковью ещё в XIV-м веке. Речь идёт именно об особом состоянии не только духовного сердца, но и всего человеческого существа: «Если же тело твое всё светло и не имеет ни одной темной части, то будет светло всё так, как бы светильник освещал тебя сиянием» (Лк. 11, 36). Поэтому на одном из первых этапов духовного пути человек призван обнаружить в себе этот светильник, свет и тепло которого станет незаменимым и самым вожделенным благом, затмевающим собой все удовольствия и наслаждения мира сего. Свет этот есть в то же время и главный признак богопосещения. Вспомним, когда Лука и Клеопа, идя по дороге вместе с воскресшим Христом и не узнав его, потом, оставшись одни, обнаружили, Кто с ними долгое время пребывал, воскликнули следующее: «Не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писание?» (Лк. 24, 32). Оказывается, не черты лица, не одежда, не иные какие детали внешнего облика стали для них критерием опознания Богочеловека, а именно – горение сердца.

Обнаруживая иногда в какой-то миг в качестве озарения, а чаще всего постепенно на протяжении нескольких лет жизни в недрах своего сердца эту жемчужину, человек вместе с тем невольно открывает для себя более глубокий смысл многих текстов Св. Писания и поучений свв. Отцов. Оказывается, все заповеди Божии и евангельские притчи, с одной стороны, указывают душе путь к внутреннему свету, а с другой, – объясняют его проявления в человеческом уме и поведении. Молитвенно устремившись к горящему в сердце светильнику, душа невольно испытывает любовь ко всему, что попадает в поле её сознания, кроме, разумеется, проявлений зла. То, что называется законом Божиим, исполняется уже не по принуждению, а органично и естественно, так, что че-

ловец чувствует, что какая-то особая и отнюдь не его собственная сила воли делает всё, что нужно. Любовь не надо из себя мучительно выдавливать, сдерживая противные ей мысли, желания и чувства: она сама существует внутри и свободно изливается на всё окружающее. Вместе с тем душа человека ясно осознаёт, что всё это происходит не благодаря его заслугам, а несмотря на бесчисленные немощи и страсти, которые становятся ещё злее и агрессивнее, когда гаснет внутренний свет и вновь смыкается тьма внешняя (Мф. 8, 12). Сознаёт она также, что пережитые ею благодатные состояния суть лишь крохотный луч в сравнении с тем светом, который озарил апостолов на Фаворской горе, и тем, которого сподобился когда-то Мотовилов в беседе с преп. Серафимом. Это лишь мельчайшая крупица, отблеск огня, сошедшего в день Пятидесятницы на учеников Христовых. А вместить большее мешают всё те же неизжитые страсти, из-за которых постоянно угасает светильник, как у юродивых дев из евангельской притчи (Мф. 25, 1-13). «Христос, придя в мир, – по словам В. В. Розанова, – оказался настолько сладким, что весь мир прогорк». И вот уже не из страха перед загробным наказанием, а ради вкушения блага, безмерно превосходящего все блага земные, человек стремится вновь и вновь погреться в свете Божественной любви. Он начинает ненавидеть в себе своего ветхого двойника, обольщающего мнимыми удовольствиями и затем оставляющего душу опустошённой. Слова же воздыханий о грехах своих и мольба о Божественной милости становятся собственными словами молящегося, а не просто чтением по уставу. Душа иногда даже начинает желать и ожидать каких-то скорбей и испытаний, посредством которых Бог расчищает в ней путь к Самому Себе, ибо не хватает силы собственной воли отказаться от многого привычного.

Посещение и действие духовного света в человеческой душе невольно обнаруживает абсурдность любых горделивых помыслов о собственных добродетелях. Само возникновение подобного рода помыслов уже показывает, что всё «добро» тут сделано отнюдь не тем, кто должным образом способен исполнить заповеди Бога. Здесь в лучшем случае лишь путь к добродетели, но не сама добродетель. Когда же христианин действительно *благодатным образом* что-нибудь исполняет, то он это либо вообще не фиксирует, либо ясно, без всякого прописного смиренничества, осознаёт в себе силу совсем иного порядка и происхождения. В сравнении с этой лёгкой и в то же время величайшей силой все собственные усилия к доброму представляются лишь жалкими бесплодными потугами. Воистину, как сказал Сократ, «легко быть добродетельным, но трудно стать добродетельным». Действительная благодатная добродетель является в то же время и блаженством для своего носителя, ибо приносит ему насыщение жизнью подобно тому, как *добродетель* дыхательных сокращений лёгких приносит человеку необходимый для жизни воздух. Жертвенность и милость становятся такими же органичными и неотъемлемыми для человеческого существа, как дыхание, а потому признаком их служит *незамечаемость* своим носителем, как и в случае с естественными физиологическими процессами: «левая рука твоя не знает, что делает правая» (Мф. 6, 3).

Когда же, по замечательному поэтическому выражению Гарсиа Лорки, «небо нашего сердца просияет глубоко», человек также невольно осознает себя уже не рабом, но сыном Божиим по благодати и тем самым откроет в себе пребывание Христа – Сына Божиего по существу: «Вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: "Авва, Отче!"» (Рим. 8, 15). Существо человеческое ощущает близость не просто всемогущего Господина, но вселюбящего Отца. Именно Отцом в тот миг именуется Бога сердце, поскольку все чувства, пережитые им когда-то в отношении земного отца по плоти, воспринимаются как некоторые слабые душевные преломления, отголоски того, что исходит от Отца небесного: «А как вы – сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: "Авва, Отче!"»

(Гал. 4, 6). И в этом смысле Христос, пребывающий в нас – нас самих, нас, коими мы созданы и призваны быть – открывает нам имя Отца и молитву «Отче наш», которую душа уже почти без слов лепечет перед лицом своего Создателя: «Или вы не знаете самих себя, что Иисус Христос в вас? Разве только вы не то, чем должны быть» (2 Кор. 13, 5).

Разумеется, любые попытки описать какие-то молитвенные ощущения и переживания всегда обречены на ограниченность и условность. Разумеется, что и все духовные состояния человека, а тем более их словесные изъяснения являются результатом частного религиозного устройства. Кто-то другой может то же самое по сути ощутить и выразить совсем по-другому в каких-то своих частных ассоциациях. Цель же разговора о конкретных проявлениях внутреннего духовного света заключается в том, чтобы чётко обозначить возможность для каждого без исключения христианина увидеть его в самом себе. Обнаружение этого неземного света и опытное раскрытие смысла жизни как стяжания и познания этого света предоставляет человеку твёрдую опору в христианской *Церкви с большой буквы*. Никакой сор, копоть и мухи, гнездящиеся в *церкви с маленькой буквы*, не смогут уже сбить его с этого пути. *Жизнь есть свет людям* (Ин. 1, 4), а свет есть жизнь людям – хлеб небесный и живая вода. Волнами, светящимися потоками Божественный дух посылает человеческой душе приращение жизни через глубину сердца, насыщая и поддерживая её молитвенную устремлённость к Источнику света. Как подмечает А. И. Солженицын, улавливая здесь открытый физикой XX века энергийный архетип, «Бог квантами подаёт душе благодать».

Познанная реальность насыщения хлебом небесным и осознания себя сыном Божиим по благодати утверждает в христианине коренную основу выбранного духовного пути, выводящую из кризиса положительного религиозного стимула. У кого-то из скептически или сциентически настроенных, несомненно, поднимется вопрос: а какова гарантия объективности всех подобных переживаний? Не похоже ли всё это просто на отражение неких индивидуальных особенностей всё того же частного религиозного устройства, всевозможных аффектов, экзальтаций или каких-то иных эмоциональных сторон психики? Несомненно, что доказательства тут бессмысленны, так же как и доказательства реальности не только психических восприятий красоты, гармонии и проч. подобного, но и обыкновенных ощущений от воздействия окружающего мира. Субъективный аспект здесь, как уже говорилось, также неизбежен и проявляется в каких-то ассоциациях и вербализациях; впрочем, неизбежен он был и в евангельских пересказах апостолов. Но однако же реальность воздействия на сердце хотя бы самого слабейшего луча небесного света примерно так же относится к реальности восприятия окружающего земного мира, как само восприятие этого мира – к реальности сновидений, забываемых почти сразу после их просмотра. Такого рода пропорция, соотношение трёх уровней реальности, в свою очередь, даёт наглядное представление о некоей экзистенциальной ступенчатости в спектре человеческих восприятий. Скорее можно признать относительной и условной действительность материальной вселенной, как и действительность человеческих снов, нежели усомниться в действительности и объективности потока нематериальной жизненной энергии, исходящей из недр человеческого сердца. Нефизический благодатный свет настолько же реальней физической реальности, насколько сама эта реальность реальней реальности сновидений.

Бесспорно, что рассматриваемое отвлечённо от света и огня, который *пришёл низвести на землю* Сын Божий (Лк. 12, 49), христианство как самостоятельная религия вообще оказалось бы бессмысленным. В лучшем случае оно представляло бы лишь синтез нравственных и аскетических положений, имеющих уже ко времени воплощения Ии-

суса Христа в различных философских и религиозных системах: индуизме, стоицизме, платонизме и др. Житие преп. Макария Египетского повествует о его диалоге со стоиками, которые, как оказалось, жили в строжайшем воздержании, ничуть не меньшем, чем у христиан-пустынников, добиваясь тем самым победы над страстями и господства духа над плотью. Но единственно, чего они не знали, так это Божественной благодати. Поэтому не только аскетические подвиги, но и нравственные поступки не могут считаться христианскими по сути, если они не способствуют возжжению и поддержанию горения светильника духовного света в сердце того, кто делает что-либо доброе, а также того, для кого это делают. Без этого благодатного живого тепла любые сколь угодно красивые катехизаторские проповеди, а также миссионерское обращение в Православие, объясняемое как сумма законнических предписаний, превращаются в обыкновенную рекламу и прозелитизм: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас» (Мф. 23, 15). При высыхании источника живой воды, при потере силы соли, при угасании огня сердечных светильников, при оскудении *хлеба надсущного* в закромах тех народов, тех обществ или общин, которые назвали себя христианами, происходит их самовыброс на попрание, несмотря ни на какую христианскую наружность. И попранию этому не сможет воспрепятствовать никакое военное или политическое могущество, никакой экономический потенциал.

Подобный же процесс происходил некогда с нашими прародителями – Адамом и Евой. Отвернувшись от Бога, от Солнца мироздания, они перестали дышать дыханием жизни, вдунутым Создателем в лицо человеку (Быт. 2, 7), перестали отражать Его сияние своей человеческой природой. Вследствие этого увидели они своё материальное человеческое естество без всякого благодатного свечения, служившего дотоле сверкающей ризой. Мысли, желания и чувства, оторвавшись от центрирующего их на себе внутреннего светильника, вывернулись наизнанку и потащились по дольным тропам окружающего мира. Пресмыкаясь во тьме внешней, расщепившиеся устремлённости человека вновь перепутываются между собой, образуя всевозможные узлы и клубки, которые преподобный Нил Мироточивый именовал *псилафизмами*. По-нашему их можно было бы назвать «любиями», в отличие от добровольно извращённой и размельчённой нами Божественной любви: например, самолюбие, властолюбие, сластолюбие, корыстолюбие и всё прочее, что искажает в *церкви с маленькой буквы* адекватные выражения *Церкви с буквы большой*.

Итак, проходя дедуктивным анализом от общих причин церковных искажений к всё более частным, мы замкнули цепь нашего рассуждения на том, с чего начали, – на греховной повреждённости человечества. Таким образом, в частном, т. е. в отсутствии положительного стимула религиозной жизни у каждого отдельно взятого члена земной церкви, отображается самая общая причина одолевания церкви вратами ада. Но было бы не слишком этично оставлять критику без каких бы то ни было соображений о возможности улучшения критикуемого. Сказать «то плохо» и «вот это плохо» довольно легко. А вот, спрашивается, не будет ли подразумеваемая альтернатива, т. е. предполагаемое хорошее, ещё хуже имеющегося плохого? Ведь многие искренние большевики тоже были уверены, что они принесут людям будущее лучшее, чем существующее настоящее. А что принесли? Поэтому авторы честно не знают, что нужно делать для улучшения нашей церковной обстановки на земле, но предполагают, чего нужно не делать, чтобы предоставить возможность Божественному Промыслу Самому исправлять наши ошибки и нелепости.

IV. ЧЕГО НЕ ДЕЛАТЬ?

1. Не зарывать свой светильник

Разговор о том, как поменьше мешать Богу спасти нас и сохранять нашу *церковь с маленькой буквы*, хотелось бы вести в обратном порядке, а именно: индуктивным образом от частного к общему. Следовательно, начать надо с того, чем мы закончили и назвали личным положительным стимулом в религиозной жизни христианина. Разумеется, поучения о том, как подобает вступать человеку на церковный путь и как следует делать дальнейшие шаги в этом направлении, совершенно необходимы. Так же точно необходима и религиозная литература для детей самого раннего возраста. Безусловно, что в начале нельзя обойтись и без отрицательных религиозных стимулов, растолковывающих на различном уровне метафизическую опасность греха. Однако нельзя ограничиваться только такими видами проповедей и бесед, оставляя без внимания фрагменты Священного Писания и святоотеческих творений, где речь идёт о переживании благодатных воздействий как основе опытного Богопознания. Речь уже шла о таких понятиях, как «веяние духа» и «светильник сердца», которые пугают довольно многих православных проповедников вероятностью уклонения в духовную прелесть. Однако без знания в самом себе этих реальностей и углубления этих знаний духовная жизнь останавливается, глохнет и обрекается на какой-либо вид вырождения, о чём тоже говорилось выше.

В данной связи уместно будет сопоставить работы двух писателей-аскетов XIX века – свт. Игнатия (Брянчанинова) и упоминавшегося уже Феофана Затворника, касающиеся внутреннего молитвенного пути христианина. Если первый из них неоднократно предостерегает православного молитвенника от заблуждений и срывов в пагубные мистические состояния, то второй аскет предлагает как можно скорее переходить к поиску того места в человеческом существе, где находится его духовный светильник, разумеется, также с необходимыми оговорками. Одной из своих духовных дочерей – аристократке и отнюдь не инокине – свт. Феофан объясняет, где и как обнаружить в районе верхней области сердца место нефизической теплоты и что затем с этим делать. Здесь опять же перед нами как отрицательный, так и положительный антропологический аспект религиозного пути. И оба они, взаимодополняющие друг друга, являют собой практическую развёртку, предложенного незадолго до того преп. Серафимом Саровским определения цели христианской жизни как стяжания Святого Духа Божия. Итак, если мы научимся не зарывать себя в грязную землю собственных мыслей, желаний и чувств, к хаосу которых мы привыкли настолько, что даже не замечаем неестественности и болезненности этого состояния, то светящийся талант в сердце обнаружится сам собой. И тогда «будет светло всё так, как бы светильник освещал тебя сиянием» (Лк. 11, 36). Сосредоточение через него на имени Божию, прогревание в его лучах, станет вожденнейшим переживанием своего естественного состояния, приближения к тому *богу по благодати*, которым мы созданы нашим Творцом – Богом по существу. Разумеется, достичь сосредоточения мыслей на молитве очень нелегко, но всякий попробовавший и вкисивший подобных плодов не сможет не захотеть их вновь.

Думается, что ясное указание в наших проповедях и беседах на коренной стимул религиозных усилий человека, во-первых, способно кому-то помочь преодолеть кризис молочной веры с её совершенно необходимыми в своё время, но скоро рассеивающимися душевными эйфориями от внешней церковной атрибутики. Во-вторых, из людей, ещё стоящих на подходе к церкви и интересующихся её внутренним миром на предмет собственного вхождения туда, всё меньше и меньше находится тех, кого удовлетворят объяснения, вполне пригодные для детей или неопитов предыдущих эпох. Ходи в храм, чи-

тай утреннее и вечернее правило, молись до и после еды, соблюдай пост, исповедайся и причащайся и т. д. потому, что так нужно делать воцерковлённому человеку, и так заповедано Богом. Ссылки на Священное Писание, на изречения свв. Отцов, а также убеждения отрицательной стимуляции в том, что грешит всякий уклоняющийся от этого, перестают действовать на ищущих духовной жизни. Но точно так же заведомо невозможно сейчас достичь проповедями в манере свт. Иоанна Златоуста того же эффекта, который наблюдался в храмах Константинополя конца IV-го века. Надо признаться, что очень многие словосочетания, нёсшие когда-то в себе огромную энергию воздействия на сознание обратившегося к Богу человека, например, «спасение души», «прощение грехов» и другие сегодня, увы, во многих ситуациях и текстах превращаются просто в заветрившиеся штампы. И нет ничего удивительного в том, что подошедший к церковному порогу задаётся вопросом о том, как же именно действительно почувствовать прощение грехов, как пережить хотя бы в какой-то мере облегчение и очищение души. Не случайно в настоящее время даже среди невоцерковлённых христиан особый интерес проявляется к духовному облику и писаниям преп. Силуана Афонского, где живым и простым языком предлагаются некоторые ответы на подобные вопросы.

2. Не оттолкнуть маленькую букву

Кроме того, разговор о внутренних духовных плодах как реальных целях христианской жизни способен поддержать ещё не укрепившегося на православном пути человека. Ясное представление о смысле пребывания в церкви несколько смягчает момент его столкновения со всевозможными искажениями того, что он имел неосторожность идеализировать. Облегчает оно также и знакомство с частными религиозными устройствами и экзегетическими интерпретациями некоторых членов церкви, от которых у людей неподготовленных вполне может состояться шок. Самое первое, хорошо известное и многократно обсуждаемое многими священниками околоцерковное испытание новичкам нередко приходится выдерживать уже в момент своего первого прихода в храм. Ревностные прихожанки обличительным тоном растолковывают им, что здесь положено, а что нет, тем самым достаточно эффективно фильтруя всяких пришлых интеллигентиков и прочих трепетных искателей православной духовности. Но если это миновало или не подействовало, то впоследствии оказывается немало других столкновений с церковными реалиями, рождающими навязчивые толстовские мысли о суетности всех внешних обрядов и прочих религиозных форм.

Ну, допустим, существует та самая идеальная *Церковь с большой буквы*, но почему обязательно путь в неё должен пролегать через это сомнительное образование *с маленькой буквы*, посягающее на власть над нашими душами? Действительно, разве нельзя просто верить в душе, молиться, открывая в себе дух, без этих кем-то и зачем-то регламентированных архаичных процедур, без этих религий и конфессий?

Но, кстати, надо сказать, что такого рода представления, в свою очередь, тоже достаточно архаичны даже для христиан. Ещё в самые ранние времена среди них возникло движение, получившее название месалианства, отрицавшее значение таинств, обрядов и церковной иерархии. Представители его, среди которых было много отшельников, сводили к самому минимуму все внешние действия, считая необходимой для познания Бога только внутреннюю молитву – погружение ума в сердце.

Однако человеческая природа включает в себя в том числе и физическое тело, существующее в своих формах и проявлениях. Можно отказаться от одних проявлений, но тогда невольно мы воспользуемся другими: даже если просто сидеть или лежать – это тоже будет формой и проявлением телесной составляющей нашего естества. А значит, стремящемуся к свободе своего духа, но находящемуся в человеческой плоти предос-

тавляется выбор не между формой и бесформенностью, а между одной формой и другой. Поэтому здесь разумней будет принять именно ту форму, или формы, которые оптимально способствуют освобождению человеческого духа от оков плотского рабства, а затем возгоранию в сердце благодатного светильника.

И тут уместно будет провести аналогию с высшим учебным заведением и идеальным студентом, т. е. молодым человеком, желающим в первую очередь обзавестись не дипломными корками и социальным статусом, а специальностью и знаниями. Такой студент чётко представляет, что все экзекуции учебной программы – лекции, семинары, коллоквиумы, курсовые, сессии и т. д. – это всего лишь средства для достижения поставленной им перед собой цели. По мере прохождения учебного процесса он достаточно ясно осознаёт в себе увеличение меры познания и приближение к поставленной им цели. Да, теоретически можно обойтись без всех этих наезженных и подчас опостылевших форм обучения, но... целесообразно это делать только тогда, когда имеется надёжная альтернатива. А поскольку такой альтернативы нет, то приходится довольствоваться известными и проверенными способами, несмотря, быть может, на их отдельные методические несовершенства. Тем более не должна помешать накоплению знаний студента внутриинститутская *подковровщина*, т. е. разновсяческие склоки, интриги и пристрастия преподавателей, но, разумеется, при его правильном к ней отношении. Ни математика, ни история, ни методы их освоения не виноваты в том, что какие-то математики и историки покупают себе диссертации за деньги или пристрастились к спиртным напиткам.

Иным сравнительным примером может служить человек, прекрасно в своё время понимавший тираническую суть воцарившегося в стране большевизма, но при этом во все не собиравшийся уезжать за границу, даже если таковая возможность предоставлялась. Как бы ни пыталась власть косвенным, а подчас и прямым образом отождествить себя с Россией, он же прекрасно отделял для себя мух от котлет, а сор от того, что засорено, терпеливо ожидая расчистки. Поэтому и на церковном пути христианина весьма актуально смотреть вперёд на его цель – стяжание благодати. Актуально избежать при этом двух обочин, двух крайностей, куда сносит нас туман путаницы цели со средствами, а средств – с их искажениями. Одна крайность – это отталкивание церковной маленькой буквы, т. е. мессалианское пренебрежение всеми формами проявления на земле *Церкви с буквы большой* из-за неприязни к нелепостям в их человеческих выражениях. Да, нелепостей и чернухи у нас в церковной среде сколько угодно; скрывать их или обелять – бессмысленно и вредно, но при этом нельзя из корыта вместе с водой выплёскивать ребёнка. Какие бы aberrации не возникали на теле земной церкви, организм этот в своей основе создан и поддерживается Самим Сыном Божиим. Он есть конформное отображение небесной Церкви, воспроизводимое с помощью средств нашего мира святыми христианскими духовидцами, созерцавшими небесный первообраз. А потому *церковь с маленькой буквы* является прямым входом в *Церковь с большой буквы*, пребывание в которой собственно и является тем самым спасением человеческой души от тьмы внешней: *extra ecclesiam nulla salus* (вне Церкви нет спасения). Поэтому вряд ли окажется разумным продираться через какую-нибудь крохотную щелку в мир Божественного света, проходя мимо его открытых ворот, какая бы огромная куча мусора ни возвышалась перед ними. Кучу вполне можно безболезненно обойти. Надо сказать, что такого рода сбалансированный подход к религии вкупе со всевозможными человеческими наслоениями в ней заповедал когда-то людям Сам Христос: «На Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак всё, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят, и не делают» (Мф. 23, 2-3).

3. Не обветшать в Новом Завете

Противоположной крайностью, или обочиной церковной религиозной жизни, становится принятие её средств за цель. Речь идёт не только о таинствах и обрядах, но также о церковных уставах и канонах, воспринимаемых многими православными христианами по типу ветхозаветных, а подчас даже и языческих установок. Отличие же ветхозаветного восприятия от языческого состоит в следующем. Если ветхозаветный подход к буквам внешних религиозных выражений предполагает их общеобязательность и неизменяемость вплоть до вечности, то языческое мировосприятие, характерное своим магизмом, уже соответственно видит в них магические операторы, своего рода заклинания и амулеты. Так же точно языческим сознанием воспринимаются и некоторые иные, отнюдь не религиозные, действия, знаки и символы, вызывая подчас панический страх. Имеется в виду, конечно же, разного рода суеверия, а также всевозможные ужасы от трёх шестёрок, штрих-кодов и подобного, якобы самого по себе способного осквернить и даже погубить душу человека без всякого на то содействия с его стороны.

Затрагивая здесь общий, принципиальный и в то же время весьма болезненный вопрос отношения к внешним церковным формам, нужно опять же отметить, что ответ на него можно уразуметь в Евангелии не только из слов Спасителя, но и из Его поступков. Помимо того, что Христос возвестил нам заповеди Нового Завета, Он также объяснил и проиллюстрировал сам новозаветный подход к этим заповедям, как, впрочем, и ко всякой форме выражения религиозной заповеди. С одной стороны, мы читаем про то, как Сын Божий смиряется перед несоответствующим требованием с Него по́дати на храм и посылает Петра чудесным образом раздобыть для этого нужную монету. Но с другой, когда говорится о помощи человеку, Он уже идёт на конфликт с устоявшимися стереотипами хранения преданий и исцеляет в субботу. Такую же гибкость в отношении к формальностям закона унаследовали и ученики Христовы. Апостол Павел предлагает есть всё предложенное, не опасаясь попадания идоложертвенного, но если кто-то объявляет об идоложертвенном характере пищи, то в таком случае во избежание соблазнов немощных сознаний лучше от неё отказаться (1 Кор. 8, 4–13). Сама же по себе пища на химическом или на каком-нибудь *мета-химическом* уровне никогда не способна осквернить верующего в Единого Бога и за всё Его благодарящего человека.

К сожалению, зачастую борцы за скрупулёзное единообразие в деталях обряда, выдаваемое ими за непреложное требование православной религии, *отцеживая козявок* и порицая «отступников» и «нарушителей», забывают о единстве в главном. Как отстаивание буквы самой по себе (пафос сектантства и старообрядчества), так и бунт против буквы Священного Предания (пафос протестантизма) свидетельствуют о том, что христианин превращает для себя Новый Завет Христовой любви в *ветхий завет номер два*. И тут и там – потеря свободы в отношении к буквам.

Это духовное младенчество наверняка оставалось бы до времени безобидным, если бы не проявляло страстную активность под предлогом ревности о благочестии. Увы, такая ревность по *ветхозаветному* разуму порождает серьёзнейшие нестроения вплоть до расколов: и в этом мы убеждаемся на примерах исторического развития Церкви. Наш церковный историк А. В. Карташев в своей «Истории Русской Церкви» описывает увещания со стороны греческого патриарха Паисия, которыми он пытался отговорить нашего патриарха Никона, «не возвышавшегося по существу над разумом своих противников» от непродуманных огульных реформ. Но сколько ни бился бедный грек, объясняя отличие вероучительной незыблемой основы православия от допустимых форм внешнего выражения в чинопоследованиях и обрядах, всё оказалось тщетным. Либо одна каменная буква, либо другая, но тоже каменная.

Рассуждая о келейном молитвенном правиле христианина, свт. Игнатий (Брянчанинов) довольно удачно перефразировал слова Спасителя о религиозном значении субботы (Мр. 2, 27): «Не человек для правила, а правило для человека». То же примерно пишет на эту тему свт. Феофан (Затворник): «У одного отними правило и всю молитву отнимешь, а другому навяжи правило и тоже молитву отнимешь». Великое счастье, что благодаря великому авторитету преп. Серафима Саровского в церковный обиход вошло альтернативное короткое правило, названное его именем. Очевидно, что в свете главной религиозной цели все церковные уставы и каноны имеет смысл воспринимать таким же точно образом: как средство для стяжания благодати, но не как предмет порабощения.

Несомненно, что при совместной церковной молитве чьи-то импровизированные молитвенные тексты в общем случае вряд ли способны углубить молитву как таковую у всех присутствующих в силу хотя бы различия их индивидуальных религиозных устроений. Поэтому в случае общей молитвы, естественно, требуются некие общие, всем известные молитвословия. Что же касается частной, или келейной, молитвы, совершаемой в одиночестве, то предлагаемые для неё тексты служат своего рода педалями запуска умно-сердечного молитвенного двигателя. Как только двигатель начал набирать обороты, педаль желательнее оставить в покое, как это делает, например, водитель, заведя свой мотоцикл, иначе можно сломать и педаль, и двигатель. Не случайно скитский устав преп. Нила Сорского предписывал монахам, читающим келейно псалтирь, сразу же оставлять чтение, как только в душе возникло желание излить Богу молитву своими словами. Что же касается телесного поста, то очень кратко и доходчиво объяснил когда-то его назначение преп. Силуан Афонский. Рассуждая о надлежащей мере аскетического воздержания в пище, он ответил так: «Кушать нужно столько, чтобы после обеда хотелось молиться».

А не случится ли так, что при подобном либерализме от православия вскоре ничего не останется? Один возомнит, что ему для получения духа одно мешает, другой – другое, ну и поотменяют всё наше Священное Предание. Эдак и литургию каждый батюшка начнёт переписывать по своему усмотрению, монахи все свои обеты пересмотрят, придя к выводу, что они ничего духовного стяжать ну никак не помогают. Зато разрешат аборты как средство высвобождения времени на молитву. Всё это уже мы видели в обновленческом движении, которое, слава Богу, заглохло. Нет уж, святые отцы когда-то завещали то, что нам требуется для спасения, на Соборах каноны определили, и нечего нам что-то перекраивать на свой лад.

Примерно такого рода доводы ригористически настроенных ревнителей Предания всегда звучат в ответ на предложения гибкого подхода к букве древних церковных правил. На вопрос об их собственном соблюдении в полноте своей тех самых букв ответы, конечно же, следуют отрицательные, но обязательно с оговоркой о том, что главное – это признавать закон Предания и не пытаться его пересматривать или отменять. При этом никто не станет отрицать и того, что применённые со всей строгостью наказаний и отлучений ко всем православным пункты номоканона оставят в церкви не больше одного процента священников, а число причастников в храмах даже в Великий пост не намного превысит нулевую отметку. Спрашивается, сколько найдётся на земле монастырей, не говоря уже о приходских церквях, где совершаются богослужения по полному уставу? Кстати, если уж быть последовательным в антиисторическом ригоризме, противящемся любой трансформации религиозных проявлений, то нужно вспомнить, что Спаситель и апостолы носили плащи и хитоны, а первые Агапы – воспоминания Тайной Вечери – совершались вовсе не так, как нынешние литургии.

Тем не менее речь идёт не о пересмотрах и отменах каких-то строгих пунктов канона, а о дополнениях и обозначениях. Действительно, правила номоканона необходимо обозначить как высшую планку требований, которая поддерживалась немалым числом христиан во времена формирования этих правил. В настоящее же время в соответствии с состоянием нынешних членов церкви приходится прибегать в качестве дополнений к обозначениям целого ряда низших планок как для приходов, так и для монастырей. А далее – кто что может понести по своим силам и религиозной устремлённости. Разумеется, что любые действия, очевидно разрушающие человеческую душу, – аборт и проч., – сейчас, как и в древние времена, не могут быть квалифицированы иначе, как тяжкие грехи. Послания апостола Павла изобилуют разъяснениями того, *что* является для христиан инвариантом, незыблемой основой, а *что* допускает вариабельность.

Также довольно характерный пример новозаветной гибкости и условности в подходе к выбору форм религиозных проявлений, в частности, одного из основных христианских Таинств – крещения, встречаем мы в Учении двенадцати апостолов:

Крестите во имя Отца и Сына и Святого Духа в живой воде. Если же нет живой воды, окрести в иной воде, а если не можешь в холодной, (окрести) в теплой. Если же нет ни той, ни другой, то возлей воду на голову трижды во имя Отца и Сына и Святого Духа.

А далее можно привести такой же яркий пример обветшания и *объязычивания* буквы этого действия. Отнюдь не понятно, почему не первый способ, т. е. крещение в проточной (живой) воде, но именно второй – крещение в стоячей воде полным погружением – стал незыблемым требованием совершения этого Таинства. Казалось бы, уж если закреплять высшую планку действий в крещении, то надо обязывать священников не строить баптистерии – закрытые купальни, – а вести крещаемых к реке и там уже окунать в её воды. Но нет, оказывается, главное – это полное погружение, а вот обливание, как считает огромное количество наших батюшек, есть крещение неполноценное. Иные даже перекрещивают т. н. «обливанцев». Выходит, что для полного очищения от грехов и получения надлежащей меры благодати непременно требуется соприкоснуться с водой каждому участку человеческого тела, а заодно испытать чувственную встряску от окунания. При этом сакраментальный смысл формулы Таинства «*Крещается раб Божий имярек во имя Отца и Сына и Святаго Духа*» указывает на то, что человек крещается, т. е. погружается, отнюдь не в воду, а в единое имя Пресвятой Троицы, и делает это лишь посредством воды. Подобно тому евреи, выводимые из Египта, крестились когда-то в Моисея: «Отцы наши все были под облаком, и все прошли сквозь море; и все крестились в Моисея в облаке и в море» (1 Кор. 10, 1–2). Отцы крестились в **кого?** В Моисея. Крестились в **чём?** В облаке и в море. Такой же смысл слышим мы и в словах св. Иоанна Крестителя: «Я крещу вас **в воде в покаяние**» (Мф. 3, 11). Крещу **во что?** В покаяние. Крещу **где, в чём?** В воде. Это означает, что для того, чтобы в чём-то или посредством чего-то креститься, вовсе не обязательно в это *что-то* полностью погружаться; достаточно испытать от него определённое **в о з д е й с т в и е**, как то воздействие от облака, воздействие от моря. Кстати, и св. Иоанн Предтеча крестил в довольно мелководном месте Иордана, где весьма неудобно было бы погрузиться в воду с головой. Поэтому крещение водою в кого-либо или во что-либо само по себе отнюдь не требует полного в неё погружения. Таким образом, обязательное требование полного погружения при крещении – это одна из иллюстраций окаменения буквы, а вместе с тем – полужызыкального-полуветхозаветного понимания смысла Таинства, утверждённого Новым Заветом Сына Божиего.

Надо ли говорить, что служение букве непременно вырождается в абсурд и откровенное смехотворство, которое всё же не слишком уместно во время духовного сосре-

доточения. Примеров таких забавных буквоедческих архаизмов в нашем церковном обиходе было и есть до сих пор, хоть отбавляй. Чего стоила, например, распространившаяся в XVII веке на Руси практика параллельных богослужебных отправлений. Уставных текстов много, а времени мало: что делать? Человеческая смекалка обязательно найдёт выход и из таких затруднений. Можно взять да разделить фрагменты богослужений, а затем вычитывать и выпевать их в разных местах храма параллельно; благо, если это ещё вдобавок большой собор и там помимо главного алтаря имеется ещё несколько приделов. В итоге всё, что требует устав, исполнено, а время при этом не растрачено. Жаль, до нашего времени не сохранился такой уникальный религиозный шедевр. Но что-то всё-таки от него осталось. Например, в церковном календаре можно встретить указание о том, что вычитка службы такому-то святому в связи с попаданием на день его памяти великого праздника переносится на другой день. То-то, наверное, радуется на небесах этот избранник Божий, что не забыли его на земле, и батюшка или чтец, включив пятую скоростную передачу, справляют вычитку (само словечко-то насколько благостно звучит!): всё, как положено по уставу.

Ещё одна непостижимость, таинственная ячейка в ткани нашей церковной службы, поджидает молящихся за Божественной Литургией в возгласе перед пением «Трисвятого». Вдруг перед самым окончанием, общим для всех богослужебных возгласов священника, *«и ныне и присно и во веки веков»*, после слова *«присно»* текст разверзается, и из глубины веков, из недр величественной Византии, трубным голосом диакона доносится до нас напоминание её императора о своём сакральном месте в строю православного богослужения: *«Господи, спаси благочестивыя (титул царственных особ) и услыши ны»*. Уже давно отошли в иной мир все басилевсы и российские самодержцы, но эта богослужебная вставка, выражающая молитву не об усопших, а о живых, как-то уж очень навязчиво отдаёт языческой культурой обожествления римских монархов.

Разумеется, не только в богослужениях, но и во многих обрядах и даже в чинопоследованиях Таинств обнаруживаются элементы, приобретающие на сегодня рудиментарный характер вследствие утери изначального смысла. К примеру, перед исповедью священник, обращаясь лицом к исповедникам, обязательно должен на церковнославянском языке прочесть обращение, начинающееся со слов: *«Се, чадо, Христос невидимо стоит, приемля исповедание твое,...*». Далее следует текст, смысл которого сводится к тому, что на исповеди нельзя ничего утаивать. Однако человек, уже давно воцерковлённый, это всё и так хорошо понимает, а не слишком церковный заведомо ничего не понимает из такого обращения, поскольку рассчитано оно на хорошо знающего славянский язык. Казалось бы, если это не есть молитва, т. е. обращение не к Богу, а к людям, то либо надо сделать так, чтобы оно было актуальным и, следовательно, понятным для тех, к кому обращаются, либо вообще не прибегать к нему, иначе происходит просто словесное сотрясение воздуха.

И наконец, последняя иллюстрация из области нелепостей бессмысленного, а главное, обесмысливающего нашего консерватизма. Официальные бумаги, прошения, рапорты и всё прочее, направляемое в вышестоящие церковные инстанции, обязательно требуется подписывать уничижительными оборотами: *«ваш смиренный послушник..., недостойный, грешный раб Божий...»* или чем-то подобным. Но ведь если в момент написания какой-то очередной бумаги наверх церковное лицо действительно переживает относительно самого себя именно то, о чём гласит нижестоящая подпись, то его вполне можно заживо канонизировать. А если нет..., то мало того, что человек пишет неправду, т. е. не то, что он на самом деле думает, но и употребляет всуе, в общем-то, серьёзные определения чувств и состояний. Насколько нелепо и даже подчас кощунственно смот-

рится, когда кто-то из неофитов сочтёт необходимым подражать в выражениях кому-нибудь и святых, например, преп. Серафиму Саровскому, и начнёт называть всех «радость моя». Избави Бог нас от подобных «благочестивых» традиций, на самом деле просто девальвирующих значения изначально одухотворённых и ответственных слов и словосочетаний.

К сожалению, такого рода мнимых традиций, исходящих из того же превращения вариативного средства в незыблемую цель и не имеющих достаточных, а подчас и вовсе никаких оснований в источниках Священного Предания Церкви, в нашей земной церкви слишком много. Кстати, преп. Симеон Новый Богослов отмечает, что в главнейшем его источнике – Библии – есть указания, относящиеся к вечному, а есть то, что касается временного и преходящего. При этом, по его словам, читатель, не просвещённый Духом Святым, обязательно перепутает одно с другим. И вот именно такая путаница в эпоху Ветхого Завета приводила к образованию того, что в Евангелии упоминается под словосочетанием «предание старцев» (Мф. 15, 2). Подобное «предание», как оказалось, не только не имело никакого отношения к подлинным Божественным заповедям, но и препятствовало их исполнению (Мф. 15, 6). А потому желательно и нам не превращать некоторые сами по себе благие свидетельства нашего церковного Предания в окаменелые «предания старцев», статуарно возвышающиеся в нашей церковной ограде, подобно пантеону ветхих языческих богов. От нас требуется **хранить** Предание (1 Тим. 6, 20), но отнюдь не **хоронить** его, предварительно замораживая и умерщвляя. А для этого, в свою очередь, необходимо ясное осознание, когда оно говорит о цели, а когда о средствах её достижения. Не удивительно, что при ветхозаветном отношении к Преданию постепенно происходит деградация именно к язычеству в православном камуфляже, выражающемся, в частности, в таких движениях, как нумерофобия и символофобия – страх и борьба со всевозможными штрих-кодами, тремя шестёрками, ИННами и прочими *ветряными мельницами* современной цивилизации.

Но, впрочем, немало наших священноначальствующих епископов и настоятелей достаточно зорко усматривают в церковных канонах очень хорошее средство держать в руках своих подчинённых. Здесь всё прекрасно укладывается в классические армейские схемы. Кто-то не понравился – наряд вне очереди за нарушение устава. Не поспит несколько ночей, а там сам захочет понравиться; и главное – всё по правилам, никто не придерётся. В церковном же уставе при желании отыщется гораздо больше, чем в армейском, пунктов, по которым кого-хоть можно отсмирять поклонами, переводами на другие приходы, ночными послушаниями или какими-нибудь экстравагантными епитимьями. Здесь арсенал прещений тоже ничуть не уступит армейскому. Но было бы в высшей степени наивно предлагать в таком случае епископу не превращать службу Богу в воинскую повинность, а настоятелю монастыря – не делать из обители казарму, не говоря уже о тоталитарной секте. Скорее представитель военного командования по просьбе солдат перестанет их тиранить, нежели любитель церковной власти увидит в правилах и канонах средство для чего-то другого. Самая мягкая реакция, которая в данном случае может последовать, это ответное предложение подыскать другую епархию (монастырь). Дело в том, что здесь христианство уже не ветшает и даже не обьязычивается, а просто кончается, да и то в лучшем случае, а в худшем – обзаводится приставкой «анти». В армии в этом смысле честнее: силовая структура – никуда не денешься. Здесь никто всерьёз не заявляет, что тебя муштруют для твоей же пользы. А ведь в некоторых местах *церкви с маленькой буквы* смиряют, унижают и подавляют личность исключительно «для её спасения», в чём иногда довольно искренне бывают уверены любители смирать, унижать и подавлять.

Здесь, быть может, многие защитники смирения и послушания как величайшей добродетели не только для монаха, но и для каждого христианина, поспешат возразить, заявляя, что отсекающий свою волю послушник в принципе не может потерпеть духовного вреда, как бы его ни смиряли. За любое благословение, требование и приказание, какой бы характер они ни принимали, несёт ответственность исключительно их отдающий, но никак не исполняющий. Приводятся в пример многочисленные фрагменты из древних патериков, когда монахи удостаивались особой благодати за исполнение самых что ни на есть иррациональных послушаний, например, высаживания рассады вверх корнями. Однако здесь не так-то всё просто. И ярким подтверждением тому служит один эпизод из жития преп. Серафима Саровского, рассказанный сщмч. Серафимом Чичаговым в «Дивеевской летописи». Святой старец, принимавший даже тех, от которых люди шарахались как от самых закоренелых грешников, и обращавшийся к этим отверженным словами «ваше боголюбие», так и не смог простить одну из сестёр Дивеевской женской обители. Казалось бы, какое такое страшное преступление надо совершить, за которое не простил даже батюшка Серафим? А не простил он инокиню, державшую у себя ключи от склада продуктов, всего лишь за её «добродетель» послушания настоятельнице. Настоятельница же запрещала этой сестре выдавать помимо трапезы хлеб насельникам монастыря, доводимым иногда почти до голодного обморока строжайшим аскетическим уставом. Сурово обличая жестокость смиренной и исполнительской послушницы, старец сказал, что та непременно обязана была давать хлеб голодным просительницам, несмотря ни на какие запреты и послушания. Так что за грубые нарушения онтологических нравственных законов, как мы видим, несёт ответственность не только личность, отдающая приказ на подобные нарушения, но и личность, исполняющая такой приказ. *Приказчик* же в данном случае не может иметь ничего общего с духовным старчеством, в какие бы «виды благочестия» (2 Тим. 3, 5) и православной ревности ни облакались порочные мотивы его распоряжений.

4. Не убояться объявления

Переходя на следующий, более общий уровень рассмотрения противоречий и нелепостей нашей *церкви с маленькой буквы*, а также возможностей избавления от них, хочется, прежде всего, вспомнить почти некровавый закат большевистского режима в России. А началась эта всем известная перестройка с так называемой гласности. Действительно, для того чтобы что-то перестраивать, от чего-то избавляться, надо сначала это что-то увидеть, а потом ещё и осознать. Невозможно без чьей-то подсказки или без зеркала оттереть пятна на лице. Поэтому наряду с закономерным экономическим дефолтом на рубеже 90-х годов в стране начался столь же закономерный информационный дефолт, обнаруживший всю бесчеловечность лица последней нашей императрицы – «софьи власьевны», как называла советскую власть антисоветская конспирация.

Разумеется, можно и дальше идти путём ужесточения крепостного права, а также утаения церковного негатива, но тогда требуется смириться с плодами, ждущими нас в конце подобных путей. В конце же может произойти только взрыв задраиваемого котла, а иными словами, церковный раскол с рассеиванием множества осколков и осколочков. Можно, конечно, обвинять раскольников, протестантов, сектантов и прочих церковных смутьянов – и такие обвинения, несомненно, будут содержать в себе немало зёрен правды, – но нельзя сбрасывать со счетов и те действительно затемнённые стороны церковной жизни, против которых начался бунт. Опять же, если обратиться к библейской истории, то для примера можно привести раскол евреев после правления Соломона на два царства – Иудейское и Израильское, явившийся следствием именно ужесточений методов власти со стороны его сына Ровоама (3 Цар. 12, 9-19).

Ну и разумеется, что тщательно скрываемое тайное при подавлении всех попыток его спокойного мирного *объявления* грозит стать явным уже иным, совершенно диким образом, наподобие того, как большевики некогда с воплями на весь свет вскрывали во многих храмах изготовленные предприимчивыми настоятелями мнимые мощи. И куда денешься от такой правды: действительно, были случаи, и в немалом количестве, когда попы дурачили народ (на этот факт указывает недавно почивший о. Георгий Чистяков в своей книге «Над строками Нового Завета»). Так что здесь приходится стоять перед дилеммой: либо взрыв после *утаения*, либо дефолт – делание явным, т. е. *объявление*, понимаемое в данном случае как антоним утаения, всего тайного с последующим осмыслением, обсуждением и покаянием. Но надо сказать, что Божественный Промысл вряд ли позволит продолжать тотальное утаение всех церковных искажений, несмотря ни на какое сопротивление отдельных представителей т. н. церковных верхов. Уж если со времён Хрущёва той самой «софье власьевне» со всеми её удавками не удавалось удавить диссидентское движение, то, учитывая современные информационные просторы, никаким крепостным циркулярам не под силу будет закрепить церковную мысль и слово, в том числе и критико-аналитическое. Наверняка будет появляться всё больше и больше авторов, открыто ли, анонимно ли обсуждающих эти животрепещущие проблемы как реально, так и виртуально. Да и менталитет уж нынче другой на христианском дворе, даже на дворе церковном. Конечно, можно начать жёсткую борьбу с таковыми дерзнувшими и посягнувшими на разговор без челобитной и благословения священноначалия. Можно без особого труда при нынешних компьютерных потенциях вычислить и выпороть пучком церковных прещений авторов этого очерка, тем более что прилежно усвоенные уроки и потенциалы «софьи власьевны» позволят сделать это без всякого ущерба и компромата для экзекуторов. Просто вынужден будет управляющий епархией на очередном епархиальном собрании или съезде при всём своём безграничном милосердии и всепрощении удовлетворить требование клира, а также всей возмущённой церковной общественности. Вынужден будет он дать, наконец, надлежащий отпор врагам всего православного народа, злостным еретикам, клеветующим на нашу церковную действительность и решившимся на подрыв устоев святой незыблемой веры. Да в общем-то и написавшие всё это не против были бы принять подобную экзекуцию – не на костёр же всё-таки и не в лагеря, – если бы от неё все обсуждаемые здесь проблемы решились или испарились сами собой. Но вероятность такого чуда слишком мала, а потому гораздо более здравым подходом представляется альтернатива постепенного и естественного *объявления* всего утаённого и утаиваемого мусора в нашей церковной избе. Ведь коли мусор этот всё равно не утаишь, то не лучше ли посветить на него фонариком, чтобы затем ставшее явным сразу вымести вон с Божией помощью.

Ясно, что для подобного *объявления* ни в коем случае не требуется никаких директив и циркуляров, так же как и распоряжений непременно писать о внутреннем сердечном свете. Просто надо не бояться того, что кто-то что-то из тайного *объявит*, и не препятствовать этому. Но страх, как известно, вещь серьёзная:

а вдруг *объявят* нечто лишнее, а вдруг после разрешения на такие *объявления* столько всего повыползает, что у людей мирских волосы дыбом встанут от того, что в церкви происходит. И кроме того, ведь каждый по-своему видит мусор. Нумеро-..., символа-... и юдофобы, например, сочтут мусором ИНН, штрих-коды и прочее подобное, требуя немедленно всё это вымести из нашей церковной избы заодно с жидомасонами, т. е. теми, кто не исповедует догмат о масонской и сионистской угрозе. Обязательно хлынет поток болезненно-исступлённого монархизма, призывающего немедленно канонизировать Ивана Грозного и Гришку Распутина, и вслед за ним – надрывно-истерического эсхатологизма, убеждающего весь мир в приближении его конца и наступлении власти антихриста. А сколько ещё хлынет

и обнаружится всяких надводных и подводных течений, известных только церковным верхам и совершенно неведомых каким-то там критикам из невесть какой глубинки, дале носа своего не видящих в церкви? Не растерзает ли подобная гласность церковный организм в считанные годы?

Да, несомненно, при таком раскрытии церковного общества издержек возникнет немало, всяких сногшибательных «правдоглаголаний» наберётся хоть отбавляй. Но вряд ли они способны будут причинить какой-то серьёзный вред: такой мусор тоже нетрудно будет отфильтровать после его *объявления*. Доказательством тому может служить опыт некоторого дефолта в Католической церкви *всё с той же маленькой буквы*. Авторитету западного христианства вовсе не повредило покаяние их предыдущего папы Иоанна-Павла II в причинении людям страданий такими уродливыми явлениями в недрах церкви, как крестовые походы, ультимативный прозелитизм и инквизиция. Не повредили и опубликованные у нас недавно явные антиклерикальные статьи, чуть ли не в стиле Лютера, уже последнего папы Бенедикта XVI, написанные им ещё в статусе о. Йозефа Ратцингера, священника и богослова. Не унизило западную церковь и признание многочисленных фактов педофилии в среде высшего духовенства, а также непосредственное участие в реабилитации их жертв. Наоборот, *объявление* подобных пороков церкви *с маленькой буквы*, свидетельствующих о правдолюбии *объявляющих*, повышает её авторитет в глазах многих христиан, да и не христиан тоже. Думается, гораздо хуже было бы для католиков продолжать шествовать путём утаения того, что всем известно и очевидно. Здесь действуют те же законы, что и в личной религиозной жизни: сугубым грехом является замалчивание греха и упорствование в нём. Впрочем, кто-нибудь из наших восточных русских христиан вполне способен заявить, что это католики пусть каются: им есть в чём, это у них там в церкви маленькие буквы или вообще никаких; а у нашей Православной церкви буквы только большие, и каяться нам не в чем. Но с подобным камнем, выпущенным из пращи конфессионального снобизма, уже ничего не поделаешь.

К сожалению, такого рода снобизм со стороны православных христиан, хотя подчас и в более мягкой форме, проявляется не только в отношении к иным конфессиям, но и ко многим сферам человеческой жизни, формально не принадлежащим церкви. Причём некоторые современные защитники православия говорят совершенно правильные вещи относительно величия нашей веры и Церкви, проводят утончённый всесторонний анализ всевозможных искажений в других религиях, а также противоречий и подмен творческих путей человечества. Но при этом есть один серьёзный нюанс, который часто сводит на нет все старания нынешних православных апологетов и который довольно быстро обнаруживается при внимательном чтении или слушании. Этот нюанс в своё время подметил В. С. Соловьёв, рассматривая в целом блестящее сравнительное богословие А. С. Хомякова. По замечанию Соловьёва, многие бесспорные высказывания Хомякова в отношении православного и римо-католического христианства страдают только одним недостатком: в них сопоставляется реальное католичество с идеальным Православием. Досадно, что почти такой же подход наблюдается у нас в рассуждениях о светском искусстве, науке и философии. В этой связи хотелось бы выделить работу Олеси Николаевой «Православие и свобода», на наш взгляд, особо выдающуюся из всех изданных за последнее время церковно-апологетических сочинений, адресованных заинтересовавшейся Православием интеллигенции. Прекрасное по стилю и широте богословско-философских экскурсов, это произведение, несомненно, вызывает к себе огромное уважение, но, тем не менее, и оно действует всё тем же методом: реальные заблуждения, тупики и провалы реальных движений мировой культуры противопоставляются идеальному проявлению идеальной Церкви *с большой буквы*.

Подобную апологию церкви уместно будет сравнить со своеобразным приёмом защиты какого-нибудь человека от обвинений в пороках и низких поступках: «*Но ведь в этом человеке образ Божий, а образ Божий – это...*» и далее следует пламенная проповедь о величии Иисуса Христа как идеального проявления образа Божиего в Человеке. Не удивительно, что такая манера оправдания земной церкви, да и всего исторического христианства, а также обличения секулярных проявлений человеческого творчества, вызывает у светских деятелей как науки, так и культуры, соответствующую негативную реакцию, сводящуюся к банальной детской фразе: «на себя посмотрите прежде чем нас и наше творчество обличать». При этом если нам, членам церкви, вспомнить библейское «врачу, исцелися сам» (Лк. 4, 23), то имеет смысл всё же не бояться диагностики наших недугов и вообще *объявления* церковным недугом того, что в действительности им является.

Кстати, об авторитете предлагаемых здесь *объявлений*. В книге "Воспоминания тюремного священника", изданной в 1912 году, архимандрит Спиридон рассказывает о своих беседах с множеством баптистов и мусульман из числа заключённых. Как правило, все они начинали с поношения православной церкви и всех её чад за нечестивый образ жизни. Батюшка всё это молча выслушивал и искренне с болью и сокрушением соглашался, потому что возразить было нечего. Но проходило совсем немного времени, и эта правда, молитва и молчание приносили свои плоды: собеседники сначала исповедовались, а затем почему-то некоторые из них становились православными.

Получается, что признание правды наших конфессиональных недостатков здесь невольно становится своего рода миссионерским приёмом. Согласие с правдой отнюдь не беспочвенных обличений в адрес православных вдруг сделало всю человеческую копоть на лице нашей религии прозрачной настолько, что обличитель почему-то оказался способным различить Божественный свет, исходящий от Православия. И наоборот, попытка парировать подобные обвинения или скрывать их основания наверняка привела бы лишь к ещё большему помрачению нашего религиозного лица в глазах критиков. Возвращаясь теперь в предисловие очерка, к типичному диалогу защитника церкви с её обвинителем, остаётся только призвать защиту, насколько это возможно, не закрывать собою для своих оппонентов образ *Церкви с большой буквы*.

А далее в своих воспоминаниях о. Спиридон пишет, что наиболее духовное общение проходило у него с одним муллой. Мулла рассказывал о том, как некогда встретил Бога, пришедшего к нему в тихом тёплом свете, и затем православный священник и мусульманин нередко сидели молча, погружённые в созерцание этого познанного ими света. Непонятным здесь только остаётся, каким таким чудесным образом проглядел в своё время эдакие строчки церковный цензор. Но вот тут-то, на этом месте многие ревнители чистоты Православия наверняка вознегодуют:

Так..., авторы уже совсем дописались. По их мнению, выходит, что даже не только у инославных христиан, а ещё и у мусульман есть благодать. Что ж, может, всем дружно ислам принимать?

Да нет же, избави Бог нас от каких-то переходов в иные вероисповедания. Требуется только духовное здравомыслие в отношении к другим религиям, а тем более – к их представителям.

Многие наверняка слышали довольно «крамольное» изречение преп. Нектария Оптинского о том, что индуист, по совести исполняющий требования своей веры, спасётся, а вот православный, перешедший в индуизм, – нет. Это означает, что такой индуист также войдёт в единую *Церковь Христову с большой буквы*, поскольку вне её нет спасе-

ния. Продолжая иллюстрировать такого рода межрелигиозное отношение, – отнюдь, кстати, не экуменическое в общепринятом смысле этого слова, – уместно обратить ещё внимание на воспоминания покойного владыки Антония (Блума), за которые иные ригористы публично сжигают его книги. А вспоминал владыка Антоний эпизод, когда он вместе с ярославским митрополитом Иоанном (Вендландом) стоял в Индии в индуистском храме, где люди, по-видимому, ничего не слышавшие о Христе, тем не менее поклонялись Богу настолько, что, как свидетельствует владыка Антоний, ощущалась благодать, которую не всегда встретишь в наших православных храмах.

Далее можно вспомнить одну из бесед архимандрита Павла (Груздева), где он рассказывает о том, как Христос призывает к Себе на страшном Суде какого-то ленинградского номенклатурного работника только за то, что он во время блокады поставил женщину с ребёнком из конца очереди за хлебом в её начало. Нескольких же попадей Господь при этом от Себя отгоняет за их скупость и равнодушие к голодным просителям.

Замечателен также рассказ Н. С. Лескова "На краю света". (Автор рассказа свидетельствует в примечании, что в точности передаёт повествование архиепископа Нила о своём пребывании на Иркутской кафедре). Владыка, возглавлявший отдалённую северовосточную епархию, вдохновлённый миссионерским подвигом святителя Иннокентия, решил не отставать от соседних епархий по количеству крещений среди местного населения – буддистов. Но самый серьёзный кандидат в миссионеры, святой жизни старец, иеромонах, знавший в совершенстве язык и все обычаи местного населения и притом пользовавшийся у него огромным уважением и доверием, наотрез отказывался заниматься катехизацией. Более того, он приводил архиерея в гнев совершенно «ненормальным» своим поведением и речами. Старец говорил, что эти простые люди уже «за край Христовой ризы держатся», что толкать их в нашу веру – это на сто лет оттолкнуть от Христа. Говорил он, что крестятся для количественной отчётности по договору с лукавыми миссионерами только самые негодные жители, да ещё и по нескольку раз. Сам же он вышивал украшения для местных национальных нарядов и беседовал с людьми о чём угодно, только не о катехизисе, да ещё и окончательно шокировал владыку буддистскими изречениями. Но архиерею пришлось убедиться в правоте всех его слов, когда вместе со старцем объезжал он населённые пункты своей епархии. В довершение всего их некрещёный проводник спас владыке жизнь, а крещёный второй проводник насмерть заморозил иеромонаха. Но после смерти старца все знавшие его жители того края, поклоняясь кресту на его могиле, единодушно исповедовали веру их православного наставника. Архиепископ же после такого потрясения решает всерьёз ознакомиться с буддизмом.

Всё это подводит нас к мысли о том, насколько может быть нелеп и просто опасен столь часто проявляемый нами конфессиональный снобизм. Вновь обратимся к аналогии с вузами. Представим себе, что некий ленивый студент самого престижного института превозносится над трудолюбивым и ищущим знаний студентом какого-то простенького вузика, кичась при этом своей *alma mater*. А на поверку оказывается, что второй гораздо больше преуспел в учении, нежели первый, несмотря на менее серьёзные программы и низкую квалификацию преподавателей. Думается, комментировать подобную аналогию бессмысленно. Похоже, всё-таки не только к иудейским законникам относится предупреждение Спасителя о том, что «многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном; а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю» (Мф. 8, 11-12).

5. Не устрашиться обновления

Чёткий крепостнический курс, прочно укрепившийся на сегодня в нашей церкви, выстроил обширные крепостные стены для любых импульсов обновления, а потому курс этот вполне заслуживает также именование застоя. Апологеты застоя пытаются оправдать его простейшим страхом перед движениями, якобы способными исказить чистоту Православия:

ведь кто знает, от Бога или не от Бога какой-то там очередной импульс изменений в церковных выражениях: где критерии правильности, где гарантии неповреждённости и т. п. А потому самое надёжное – это оставить всё как есть и охранять, охранять и ещё раз охранять это самое **всё**.

Но Церковь и *с большой*, и *с маленькой буквы* есть живой Богочеловеческий организм, который, как всё живое, предполагает развитие и обновление. Эта одна из главных функций жизни осуществляется в соответствии с заложенными свыше потенциями и парадигмами. Однако люди, составляющие земную церковь, будучи в свою очередь также живыми организмами, имеют свободную волю либо содействовать развитию церкви, либо препятствовать ему. Очевидно также, что движение жизни не может остановиться и застыть: прекращение совершенствования и обновления влечёт за собой поворот к обратному направлению – регрессу и деградации, за которыми следуют дряхление и умирание. Вместе с тем свободная человеческая воля и сознание, повреждённые грехом, способны конструировать модели мнимого развития, что проявилось в своё время в упомянутом уже движении огульного обновленчества – попытки сотворить т. н. *живую церковь*. В недрах католической *церкви с маленькой буквы*, как мы знаем, аналогичное движение реформации, взбунтовавшееся против омертвелых религиозных букв, оказалось более продуктивным и привело к образованию ряда протестантских деноминаций. Таким образом, перед нашим взором, направляемым на путь развития церкви, как всегда, обнаруживаются две крайности: застой – препятствие органичному церковному обновлению и обновленчество – искусственное обновление и псевдооживление. И в данном случае опять можно сказать, что одна крайность порождает другую, ей противостоящую. История Вселенских Соборов изобилует примерами того, как острая реакция на одну ересь приводила к противоположной ереси, лежащей, тем не менее, в той же самой плоскости с теми же изъянами богословского осмысления. Следовательно, от членов земной церкви требуется старание не впасть ни в ту, ни в другую крайность и тем самым предоставлять Богочеловеку Иисусу Христу возможность беспрепятственно Самому совершенствоваться и обновлять Свой организм. Это, однако же, не означает нашего бездействия: мы, безусловно, призваны к богосотворческому исполнению, синергийному посредничеству в Божественном замысле, импульсы которого принимаются человеком, избежавшим означенных уклонений. В свою очередь для прохождения между Сциллой и Харибдой церковных искажений требуется ясное различие между вечным и преходящим. Хорошо бы постараться отличить незыблемую основу, инвариант, *церкви с маленькой буквы*, связывающий её с *Церковью с буквы большой*, от вариабельной сферы церковных выражений, которая может и должна быть трансформируема в соответствующее время и соответствующим образом.

Но кто же может о себе сказать, что он ясно видит и отличает одно от другого – возможные естественные и органичные обновления от искусственных и мнимых? Хорошо, но в таком случае вполне правомерно действовать известным проверенным методом проб и ошибок, вариант которого предложил когда-то иудейскому синедриону мудрый Гамалиил: «Если это предприятие и это дело – от человеков, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вам не оказаться и бо-

гопротивниками» (Деян. 5, 38-39). Поэтому речь идёт не о том, чтобы директивно переходить от одних форм церковного выражения к другим, а лишь о том, чтобы не препятствовать желающим частным порядком, например, в своём приходе что-либо трансформировать в этой сфере. Уже давно идут разговоры о допустимости исправлений некоторых неудобовоспринимаемых славянизмов и неадаптированных переводов с греческого в наших богослужебных текстах. Надо сказать, что авторы предлагаемых рассуждений сами предпочитают служить на церковно-славянском языке, но при этом они считают вполне допустимым и даже очень полезным для многих неопитов или тяготящихся туманностью смысла традиционных молитвенных оборотов иметь доступ к богослужению по их русифицированным переводам.

Переходя далее от частного вопроса о богослужебном языке к общей церковной проблеме различий в индивидуальных религиозных устройствах, надо сказать, что такие отстоят друг от друга подчас очень значительно и не только по горизонтали, но и по вертикали. Под вертикалью имеется в виду развитие духовного сознания человека, которое, несомненно, как и все остальные человеческие способности, призваны к совершенствованию. Поэтому вполне естественно, что отличие одного религиозного устройства от другого определяется, с одной стороны, индивидуальными особенностями человека, а с другой – степенью его духовного опыта. Естественно также, что религиозные представления одного устройства, определяемые характером и духовным возрастом данного человека, сталкиваясь с выражениями или представлениями другого, столь же для него закономерными, нередко испытывают недоумение, а подчас и сильное осуждение. И то, что бывает нужно и полезно для одного христианина, может стать губительным для другого. Проблема эта достаточно серьёзна, и не случайно апостол Павел уделяет ей внимание в нескольких своих посланиях. Приведём из них три выдержки, обнаруживающие характерные особенности подхода к ней основателя первых христианских общин:

Братия, я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе. Итак, кто из нас совершен, так должен мыслить; если же вы о чем иначе мыслите, то и это Бог вам откроет. Впрочем, до чего мы достигли, так и должны мыслить и по тому правилу жить (Флп. 3, 13-16).

Мы знаем, что идол в мире ничто, и что нет иного Бога, кроме Единого. Ибо хотя и есть так называемые боги, или на небе, или на земле, так как есть много богов и господ много, — но у нас один Бог Отец, из Которого все, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им. Но не у всех такое знание: некоторые и доныне с совестью, признающею идолов, едят идоложертвенное как жертвы идольские, и совесть их, будучи немощна, оскверняется. Пища не приближает нас к Богу: ибо, едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем. Берегитесь однако же, чтобы эта свобода ваша не послужила соблазном для немощных. Ибо если кто-нибудь увидит, что ты, имея знание, сидишь за столом в капище, то совесть его, как немощного, не расположит ли и его есть идоложертвенное? И от знания твоего погибнет немощный брат, за которого умер Христос. А согрешая таким образом против братьев и уязвляя немощную совесть их, вы согрешаете против Христа. И потому, если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек, чтобы не соблазнить брата моего (1 Кор. 8, 4-13).

Итак, если вы со Христом умерли для стихий мира, то для чего вы, как живущие в мире, держитесь постановлений: «не прикасайся», «не вкушай», «не дотрагивайся» [что все истлевает от употребления], по заповедям и учению человеческого? Это имеет только вид

мудрости в самовольном служении, смиренномудрии и изнурении тела, в некотором небрежении о насыщении плоти (Кол. 2. 20-23).

Итак, прежде всего мы вновь видим здесь плюрализм гибкого сбалансированного подхода к различным религиозным представлениям, соответствующим духовному знанию христианина. Апостол Павел никого не насилует своим совершенным знанием, т. е. не требует немедленного всеобщего перехода к выражениям христианской свободы в действиях и отношениях к окружающему миру. Более того, имеющие такое знание призываются снисходить к не имеющим и не соблазнять их некоторыми его проявлениями. Но в то же время апостол всё-таки упрекает многих членов общины за то, что они никак не могут вместить дарованную Спасителем свободу, оставаясь одной ногой то ли в Ветхом Завете, то ли в язычестве. Детство хорошо и неизбежно, но только в том случае, если оно не затягивается надолго.

Такого рода подход невольно говорит о том, что земная церковь непременно должна учитывать весь спектр частных религиозных устроений своих членов, предлагая им множество соответствующих религиозных выражений и форм поклонения Богу, на первый взгляд, даже взаимоисключающих. В определённом смысле эту идею обозначает для христиан утвердивший Иконопочитание Седьмой Вселенский Собор. Но вместе с тем ни одно из средств для прохождения человеком своего духовного пути не должно быть кем-то ему навязываемо в качестве самодовлеющего. В этой связи преп. Серафим Саровский, будучи выходцем из купеческого сословия, в своих поучениях пользовался аналогией закона торговли. Предприниматель непременно должен следить за тем, какая продукция из имеющихся у него в арсенале лучше всего доставляет прибыль, и соответственно пускать в оборот именно её; тогда как неприбыльный товар можно вообще оставить в покое. Так же и в личной духовной жизни: те церковные средства, которые приносят душе благодать, должны быть в обороте, а то, что проходит вхолостую, естественно, подлежит упразднению. При этом как само собой разумеющееся христианин должен знать, что же такое та самая духовная благодать, как и когда она прибывает или убывает. В противном случае мы подпадаем под упрёк, сделанный Христом Никодиму, если будем уподобляться бизнесменам, вообще не знающим, как выглядят деньги и каким образом осуществляется их приход или расход.

Получается, что для укрепления религиозной устремлённости кому-то весьма полезны такие средства как жёстко регламентируемые количеством текста молитвенные правила, крестные знамения, поклонения иконам и мощам, крестные ходы, паломничества и т. д.; а вот других христиан то же самое в отдельных случаях может приводить, увы, даже к противоположному эффекту. Например, в момент интенсивной внутренней молитвы наложение рукой крестного знамения или поклон может дать импульс рассеяния, тогда как в противном случае, т. е. при разброде мыслей, – наоборот, привести к их сосредоточению на имени Божиим. Интересно, насколько просто и мудро ответил свт. Феофан Затворник на вопрос о пользе паломничеств по святым местам: «Если ты ещё не нашёл путь к своему сердцу – полезно, а если нашёл – вредно». В этом ответе святителя довольно наглядно просматривается указание на зависимость средств христианских выражений именно от вертикальной составляющей частного религиозного устроения человека. Вместе с тем задача определения того, что же именно полезно для духовной прибыли, а что нет, предоставляется самому христианину и в отдельных случаях – его духовнику. Поэтому, с одной стороны, можно и даже нужно смело себе признаваться, какие из известных форм религиозного выражения способны и какие не способны оживотворять собственную душу, а с другой, – не навязывать такого же разделения всем

окружающим. Иначе нашей душевной *Марфе*, пекущейся об удобстве гостящего в сердечном доме Христа, не миновать суеты и упрёков (Лк. 10, 38- 42).

Излишне было бы говорить о том, насколько отстоит от духа и огня, низведённого на землю воплотившимся Словом Божиим, и противостоит им любое ультимативное навязывание человеку участия в церковных Таинствах и обрядах. Но, к сожалению, такие вещи, которых мы уже касались выше в примере с крестными ходами, каким-то образом уживаются в *церкви с маленькой буквы* наряду с её именованием «христианская». Несомненно, что в данном случае насилие является не только надругательством над личностью и свободной волей человека, но и над самими формами религиозного выражения. Принудительное заточение в монастырь и пострижение в монашество, которое, надеемся, на сегодня остаётся всё-таки уже в прошлом, не может не оскорблять само Таинство иноческого пострига. Необходимость для жителя России в синодальный период нашей церкви ежегодной исповеди и Причащения Св. Христовых Таин, без справки о которых человек испытывал значительные социальные затруднения, есть оскорбление как Таинства исповеди, так и Евхаристии.

Увы, в настоящее время подобное уродство имеет свой достаточно громкий отголосок в аналогичном требовании ежегодной исповеди в Великий пост для всех священнослужителей. Духовники епархий обязаны после дней исповеди представлять епархиальному архиерею списки прошедших через их руки. И не удивительно, если тенденция к дальнейшему церковному закреплению воскресит в памяти некоторые предписания Петра I и, облегчая их исполнение современными техническими средствами, повелит исповедующим батюшкам представлять вместе со списками тех, кто был «на духу», аудиозаписи того, что на этом «духу» было.

И всё же хочется надеяться, что крепостническая и охранительская тенденция скоро упрётся в свой тупик, подобно русскому большевизму, и не доведёт церковный котёл на земле до взрыва или повального обновленчества, сметающего всё благое на своём пути. Далее продолжая торговую типологию преп. Серафима, нужно отметить, что развитие нашей цивилизации приводит к увеличению общего товарного ассортимента, а также к обновлению очень многих видов рыночной продукции. Закономерно, что и в церкви на протяжении её исторического развития должно происходить то же самое, если мы не фетишизируем товар церковных выражений, а видим в нём лишь предмет и способ стяжания духовной прибыли. Понятно, что наряду с чем-то ценным появляется множество всякой дребедени, но насильственное сдерживание этого процесса приводит к гораздо худшему итогу. Искусственное блокирование естественной, т. е. рыночной, экономики в советский период поставило российскую экономику как таковую на грань полной катастрофы, о чём задолго до того предупреждали многие непредвзятые специалисты. Так что если мы не собираемся искусственно умерщвлять живой церковный организм, необходимо не утрачивать предостеречь его возможность обновления, необходимо снять крепостные стены и препятствия для прохождения новых выражений церковной жизни и некоторой локальной трансформации старых, привычных. Да, конечно, как и на личном религиозном пути стяжания благодати Святого Духа, тут не обойтись без риска растратить церковные таланты, угодить в долги или вообще обанкротиться; но, как повествует всем известная притча, гораздо страшнее будет просто зарыть их в землю.

В этой работе нет возможности заглядывать во все сферы проявлений *церкви с маленькой буквы* и предлагать в них какие-то конкретные обновления; ограничимся лишь областью богословия, проблемы которого уже затрагивались нами ранее. Казалось бы, насколько органичным богословским развитием земной церкви стало бы доброжелательное обсуждение этих невысказанных имплицитных вопросов в спокойной поле-

мике без всяких обличений друг друга в ереси. Но для этого непременно потребуется разобрать цензурные бастионы. В противном случае вряд ли отыщется много епархиальных цензоров с таким уровнем внутренней культуры, чтобы пропустить в публикацию чьё-то мнение, не согласное со своим собственным. В том же случае, когда какая-то богословская тема получает широкое обсуждение и разномыслия, её можно вынести на Поместный Собор для догматического определения (см. [приложение III](#)).

Далее наряду с проблемой развития богословия встаёт смежная с ней задача изложения богооткровенных истин в современном, как сейчас говорят, пространстве. Каждая эпоха выдвигает перед религиозным сознанием свои вопросы, на которые богословие призвано дать ответ в духе православной традиции, но при этом в соответствующих данной эпохе понятиях и терминах: *Будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением* (1 Пет. 3,15). Кафоличность, всеобщность, православного вероучения предполагает необходимость проповеди его на том интеллектуальном и психологическом языке, который соответствует сознанию и развитию слушателя: от маленького ребёнка и простеца до утончённого любомудра. Опыт разнообразия в средствах объяснения вероучительных истин полностью согласуется с древней святоотеческой традицией. А потому учёным и философам, *требующим отчёта у нас в нашем уповании*, мы должны дать ответ не только с кротостью и благоговением, но и по возможности на их языке – языке современной науки и философии. Владение таким языком – это естественное требование к современному православному пастырю, а тем более с высшим образованием. Иначе молодому священнику придётся ограничивать свою паству исключительно простыми тётушками и детишками. Когда-то к такому ограничению сознательно стремилась большевистская власть, инструктируя своих уполномоченных по делам религии. Церковь ей очень хотелось видеть как заведение для неграмотных бабусь и дремучих попов, желательно пьяных, о чём очень подробно уже писал о. Александр Борисов в своих «Побелевших нивах». Но если сейчас мы всё-таки не вознамеримся продолжать *дело Ленина*, то имеет смысл не препятствовать обновлению языка наших проповедей и письменных трудов, интегрируя в него научно-философскую лексику. И тут опять же всё для этого необходимое, в том числе и действительное повышение уровня семинарского образования, упирается в то же самое крепостное право, превратившее церковные учебные заведения в бурсы. Однако здесь мы не будем затрагивать столь болезненную тему, тем более что владыка Иларион (Алфеев) в «Проблемах и задачах русской православной духовной школы» достаточно обстоятельно высказал соответствующие критические оценки и пропозиции, упрощая преподавателей прежде всего прекратить смирять студентов.

Заканчивая разговор о допустимости и необходимости церковного обновления, хотелось бы вспомнить по этому поводу слова протопресв. Александра Шмемана о том, что Православие не должно довольствоваться старыми ответами на старые вопросы, но предлагать новые ответы на новые вопросы. И почему, спрашивается, новое обязательно должно противоречить старому, а старое – новому? Отличие не есть противопоставление. Более того, даже противоречия нередко на проверку являют собой антиномию, разрешающуюся в синтезе более глубокого рассмотрения вопроса. Однако как будто какая-то мрачная сила навязывает нам патологическое пристрастие к схемам рассуждения «или – или», именующимся логической дизъюнкцией. Ведь насколько проще и яснее мыслить в конъюнктивной категории «и – и», о чём также писал в своих «Нивах» о. Александр Борисов, вспоминая известное изречение блж. Августина: «В главном единство, в остальном – свобода (*в другом встречающемся*)

варианте – разнообразие во второстепенном), и во всём – любовь» (см. [приложение IV](#)).

6. Не поклониться власти

Глава нашей Церкви Иисус Христос претерпевает в пустыне от дьявола испытание властью: «Берет Его диавол на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: всё это дам Тебе, если, пав, поклонись мне. Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» (Мф. 4, 8-10). Это было третье и самое серьёзное искушение Богочеловека. Так же, как два предыдущих, оно содержало соблазнительный подтекст мнимого добра, предлагая власть в качестве способа, облегчающего достижение благой цели – осчастливить всё человечество. Царство *от мира сего* могло бы стать рычагом управления множеством народов, исключаящим всякие разногласия и нестроения. Но Сын Божий отверг этот рычаг, ясно усматривая в нём мнимое средство спасения человечества, предлагаемое отцом лжи. Однако уже в самые ранние времена христианства апостолы поставляют в организованных ими первых общинах начальствующих епископов (дословно с греческого – надзирателей), а те – своих помощников, пресвитеров. И таким образом в земной церкви постепенно выкристаллизовывается чёткая иерархия, предполагающая пользование властью, а соответственно – искушения и опасность для начальствующих. Хотя апостолы наставляют епископов и объясняют членам общин смысл правильного отношения к власти, но и среди христиан уже в те времена, как пишет св. Иоанн Богослов, появляются *любители первенствовать* (3 Ин. 1, 9).

За властолюбием стоит искушающий человека демонический дух, и христиане на каждом богослужении Великого поста в особой молитве преподобного Ефрема Сирина неоднократно просят Бога оградить их от этого соблазна: «Дух праздности, уныния, **любоначалия** и празднословия не даждь ми». Тем не менее любоначалие, т. е. властолюбие, не входит в число восьми кардинальных страстей, таких как чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие и гордость, выделяемых многими христианскими аскетами в качестве первичных объектов борьбы подвижника за чистоту сердца. Можно сказать, что, в отличие от этих перечисленных страстей, властолюбие как страсть не исследовано ещё в православной аскетике во всех его глубинах и тонкостях проявлений: видимо, это кому-то предстоит сделать в будущем. Здесь же мы лишь вкратце, несколько формализовали в удобном ракурсе вполне очевидные всем представления о действиях человеческого властолюбия.

вырезано

Уклонения цезаропапизма и папоцезаризма, покоящиеся на одной и той же плоскости, проходящей через вертикаль внутреннего отношения к власти, нельзя считать результатом любоначалия какого-то одного правящего церковного иерарха. Как и в случае с оскудением света в сердцах христиан, когда церковная соль теряет свою силу, и её попирают посторонние церкви люди, здесь можно говорить лишь об общем суммарном властолюбии членов *церкви с маленькой буквы*. Оно-то и определяет отклонение общей церковной составляющей от заповеданного Царского пути. Причём матричное транспонирование порочных человеческих отношений, о котором шла речь в предыдущем разделе волнообразно разгоняет любовь к власти по всем уровням её церковной вертикали. Чем больше мера любоначалия у правящего архиерея, тем сильнее стимулируется развитие той же страсти у его клириков, а чем более безразличен к власти владыка, тем меньше в общей сложности любит её и духовенство его епархии. Так что вывод из этого простого рассуждения вполне очевиден. Чтобы *церкви с маленькой буквы* не превратиться в идеологический придаток государства и его служанку или не превратиться са-

мой в государственную машину с тюремным или казарменным режимом, каждый из её членов должен на своём уровне выкорчёвывать собственное властолюбие, помогая тем самым делать это и своим ближним. Иными словами, мы призваны не поклониться власти как кумиру в своём сердце. А для этого совершенно необходимо видеть и осознавать её внешние проявления, не называя чёрное белым. Подобаает по апостольским заповедям покоряться власти имущим как в церковной иерархии, так и в государственных структурах, но при этом не безмолвствовать об искажениях и уродствах, порождаемых сердечным поклонением власти. В противном же случае, церковь вновь окажется на коленах перед государственным престолом, низлагая тем самым, по предсказанию Московского святителя, саму себя вкупе с этим престолом.

V. В НАДЕЖДЕ

В полном смысле слова христианизация нашей *церкви с маленькой буквы* ещё отнюдь не закончена. По-видимому, она будет так или иначе продолжаться вплоть до второго Пришествия Христа. Опыт показывает, что труднее всего, в том числе и на духовном пути, человеком усваивается самое простое и вместе с тем самое главное. Не стоит вновь повторять ставшие, к сожалению, уже банальными для христиан слова о том, что главное для нас – это любовь, стяжание благодати, мир сердца и т. д. Можно много говорить о таких вещах и при этом ни на шаг не приблизиться к предмету разговора. Поэтому авторы данного очерка попытались здесь, прежде всего для себя самих, обозначить некие контуры условий, зависящих от каждого из нас, которые позволили бы *Церкви с большой буквы* реально исправить некоторые искажения и нелепости, возникшие в *церкви с маленькой буквы* на её земном историческом пути.

Не только от правящих церковных иерархов, но от каждого члена этой церкви зависит возможность или невозможность ослабления барского произвола управляющих епархией и уменьшения заигрываний со светскими властями. Зависит от нас, произойдёт ли в церкви надлежащее освобождение от большевистского духа и наследия, падение крепостных оков и органические изменения к лучшему, или же её вместе с государством постигнут бедствия раскола и безумного обновленчества. Однако то, каким образом внешне, реально всё это может произойти: пошлёт ли нам Промысл Божий некоего патриарха-освободителя, или начнётся череда реформ, *объявляющих* и обличающих весь наш церковный сор и копоть с последующим очищением и благим обновлением, – сие неведомо. Трудно сейчас представить, как именно оздоровить отношения между пастырями и паствой на многих приходах, как установить контроль и ограничение действий архиереев в епархиях, и требуется ли введение института церковных судов. Ясно только, что главными определяющими здесь являются внутренние, никакими приборами не измеряемые показатели. Речь идёт об общем количестве духовного света в сердцах членов церкви и количества жажды власти в тех же самых сердцах. Без улучшения именно этих параметров и без того, что можно назвать церковной гласностью, всевозможные директивы, циркуляры и указания смогут только лишь слегка видоизменить негативные проявления в церкви, да и то не в позитивную сторону. Нам же остаётся лишь надеяться всё-таки на лучшее и делать всё возможное, начиная, прежде всего, с себя самих, т. е. с заповеданных нам дел личной религиозной жизни и пастырского служения.

Конечно же, поднять и обсудить все затронутые в этом очерке вопросы хотелось бы отнюдь не здесь, но на страницах или на сайтах церковных источников информации. Но, к сожалению, такой возможности пока нет. Принести подобное сочинение на рассмотрение редколлегии, например, «Журнала Московской Патриархии» – это всё равно, что в советские времена принести рукопись «Архипелаг ГУЛаг» или что-то в том же

роде в редакцию газеты «Правда» или журнала «Коммунист». Но времена, как известно, меняются, а потому мы всё-таки надеемся и верим, что когда-нибудь можно будет не только размышлять, но спокойно, свободно и под своими именами высказывать точки зрения по наиболее церковным проблемам там, где это надлежит делать.

Группа священнослужителей N-ской епархии

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Когда-то об идеальных сущностях, пребывающих за всеми чувственно постигаемыми вещами, много и хорошо говорил Платон. Впоследствии уже христианские мыслители и духовидцы – свв. Дионисий Ареопагит, Максим Исповедник и Иоанн Дамаскин – уточнили Платона, указав на причину и генезис всех идей мироздания в Едином Боге и Его воле. Конечно, при желании можно не верить в существование всех этих идеальностей, а в церкви видеть лишь не слишком удачное изобретение человечества для собственного успокоения и утешения, ну и заодно для удовлетворения потребностей в чём-то призрачном и потустороннем. Но в таком случае в разговоре о церкви лучше будет сразу поставить точку.

Однако вера необходима не только в религии и в мистике, но практически во всех областях нашей жизни, а в особенности в современной науке. Много ли у нас на земле доказуемого и абсолютно очевидного? Есть ли резон, к примеру, обсуждать вопросы дифференциального счисления или квантовой механики с человеком, не верующим в существование актуальной бесконечности и т. н. квантовых постулатов Бора? Да и знаменитые «пифагоровы штаны» бессмысленно рисовать для того, кто заявит, что ему вовсе не очевидны аксиомы Евклида. Впрочем, как мы знаем из истории человеческой мысли, кому-то оказывалось неочевидным даже бытие окружающего мира, включая самого себя. А один из эллинских мудрецов, Кратил, вообще замолчал на всю оставшуюся жизнь, после того как задолго до Тютчева пришёл к выводу, что «мысль изреченная есть ложь». Кстати, если бы сам Тютчев в это по-настоящему верил, то не изрёк бы ничего такого на бумаге, убоившись лжи.

Разумеется, чем выше познавательный или, как говорят философы, эпистемологический, уровень истины, тем менее она наглядна и тем больше требуется подготовки, желания и культуры абстрактного мышления для её постижения, для её верифицирования. От человека, пожелавшего убедиться на своём опыте во многих естественнонаучных открытиях и выводах последнего времени, т. е. лично их верифицировать, потребуется затратить немало труда в указанном данной наукой направлении. Но то же самое предлагается человеку и для верифицирования религиозных истин: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5, 8). Так выглядит самая простая формулировка необходимого условия опытного богопознания – требование аскетического очищения сердца от страстей. В противном случае как можно объяснить слепому, что такое солнце, если он просто не желает излечиться от слепоты, хотя и может это сделать? А в начале... *credo ut intelligam* (верю, чтобы понимать) – зазвучала когда-то в недрах Европы максима Ансельма Кентерберийского. Со своей же стороны, а именно со стороны *от противного* античный скептицизм вкупе с нынешним постмодернизмом поневоле также предлагают вывод о всеобъемлемости значения человеческой веры. Деконструкции постмодерна занимают нас убеждением нас в теоретической неубедительности многих привычных положений человеческой мысли и морали, провозглашая всего лишь относительными субъективными интерпретациями, – *симулякрами*, – конструкты, без которых

социум просто развалится. Но при этом водичка древних и новых разрушителей отчасти льётся на мельницу всё того же фидеизма, утверждающего первичность веры в недоказуемые положения – аксиомы, постулаты, догматы – по отношению к любому знанию и дискурсивному рассуждению. Таким образом, уже логически исходя из подобных представлений, вытекает определение веры как **априорной убеждённости в существовании или действии кого-либо или чего-либо**. А значит, абсолютно *адогматичной* философии, как и *адогматичной* науки, существовать просто не может.

В данном контексте уместно будет также подойти ещё к одному немаловажному определению, косвенно относящемуся к затронутой теме. К сожалению, многие современные апологеты сциентизма – превозношения и абсолютизации т. н. *научного мировоззрения*, подписывающие ярлыки научности, ненаучности или лженаучности, не утруждаются предварительно определить, что же именно они понимают под наукой. Ведь то, что называют сейчас метанаукой (наукой о науке как таковой), как и любая настоящая наука, непременно требует определений своих первичных понятий: в противном случае рассуждение в подобных категориях опять-таки теряет свою предметность. Очевидно, что в отличие от иных областей человеческой мысли и творчества, к примеру, художественного, где также по-своему осуществляется постижение мира, наука сформировала свою методологию, характерную исключительно для этого пути познания. А именно: а) **точность формулировок**; б) **дискурс** (логичность, доказательность рассуждений); в) **системность изложения**. Это первый момент. Вторым моментом касается уже недоказуемых оснований, фундамента, на котором строится формализация наших знаний о вселенной, её историческом развитии и причине её бытия – момент, который справедливо будет назвать **аксиоматическим базисом**. В зависимости от развития конкретной науки этот базис может наращиваться, т. е. добавлять к себе всё новые и новые аксиомы или постулаты, связанные с осмыслением всё более и более сложных истин уже посредством не логического, дискурсивного, а т. н. трансфинитного перехода. Но при этом первичный, исходный базис науки, её изначальные посылки непременно должны обладать **аксиоматической общеубедительностью**, своего рода недоказуемой очевидностью, как например, геометрическая аксиома о том, что через две точки можно провести прямую, и притом только одну. Итак, **наука – это способ познания мира и выражение этого познания посредством точности формулировок, дискурсивности и системности изложения, основанных на аксиоматическом базисе, первая ступень которого характеризуется своей общеубедительностью**.

Но что же в свою очередь является формальным критерием такой аксиоматической убедительности? Это вопрос серьёзный, неоднозначный, но всё же решаемый. Уяснению правил иногда помогают его исключения. В данном случае ими становятся всевозможные экстравагантные учения, пытающиеся ниспровергнуть общепринятые представления; их хватало во все времена, особенно же в позднюю эпоху эллинской цивилизации. В настоящее время наряду с постмодернизмом сюда можно отнести такие явления, как позитивистская математика, отрицающая понятие бесконечности, а также исторические концепции, усматривающие начало мировой истории где-то в XVII-м веке. Но ход развития человечества благополучно гасит подобные воспаления фантазии, оставляя их в качестве артефактов под стеклом в музее нашей познающей мысли. Со временем подобными же артефактами, подчас далеко не безобидными, воспринимаются и пленявшие в своё время веру целых народов и государств тоталитарные идеологии. Чары спадают, и люди изумляются, как можно было серьёзно поверить в сумасбродные доктрины фашизма или большевизма. Но к таким же точно артефактам веры, вспыхивающим иногда и затем довольно быстро угасающим, если рассмотреть этот процесс в его исторической перспективе, справедливо отнести и атеизм, ставший в каком-то

смысле выдающимся феноменом человеческой убежденности. Поэтому формальным критерием **аксиоматической общеубедительности** феномена, абстрактного положения и проч. можно считать устойчивость его идентичного восприятия человечеством в ходе истории, иными словами, – **историческую рецепцию**.

Однажды на богословской лекции присутствующие услышали сногсшибательное заявление. Уважаемый профессор теологии высказал следующую мысль:

В отношении вопроса о бытии Божием не существует никаких доказательств, но существует две веры: одна утверждает, что Бог есть, а другая – Бога нет. Но я, – сказал он, – преклоняюсь именно перед второй верой. Как так, почему...? Да потому что поверить в то, что за всем, воспринимаемым человеческим сознанием во вселенной, стоит Творец и Промыслитель совсем не трудно: об этом свидетельствуют всяческие космо-антропо-телео-... и прочие аналогии, нравственные императивы и т. д. А вот несмотря на это всё остаться убежденным, что никакого Творца нет, и вселенная возникла случайно..., – всё равно, что поверить в рассказ о том, как в типографии взорвалась бомба, а в результате взрыва случайно напечаталась многотомная энциклопедия. Так вот поэтому я и преклоняюсь перед подобной верой, если она действительно крепкая и искренняя.

И всё же для подавляющего большинства людей в нашем мире, несмотря на цивилизацию и научно-технический прогресс, догмат о бытии Творца и Промыслителя остаётся не менее аксиоматически убедительным, чем аксиомы Евклида. А спрашивается, сколько же имён из галереи известных мировых мыслителей можно по праву причислить к относительно последовательным атеистам, отрицающим бытие сверхчувственно воспринимаемого мира и креационный генезис вселенной? Древнегреческих Демокрита и Лукреция, индийскую даршану чарваков-локаятиков, имевшую в своё время печальнейшую нравственную репутацию, а также представителей нового времени – Д. Дидро и Б. Рассела. Надо сказать, что ни скептика Юма, ни деистов Вольтера и Руссо, ни даже богоборцев Ницше и Маркса в этот список включить никак нельзя. Так что в отношении серьёзных представителей атеистического мировосприятия мы имеем дело с единицами, вполне выносимыми за статистические скобки.

Но, к сожалению, даже среди очень религиозных людей немного тех, кого можно по праву назвать учёными в сфере опытного богопознания, т. е. тех, которые смогли не только поверить, но и увидеть Богооткровенные истины. Впрочем, и специалистов в тех или иных естественнонаучных областях, действительно проникающих в открываемые наукой недра мироздания, вряд ли сейчас намного больше, чем христианских аскетов, всю свою жизнь посвятивших приближению к Богу. Поэтому, исходя из предлагаемых здесь представлений о вере и науке, необходимо сказать, что богословие как **выражение и средство** богопознания является в том числе и наукой, хотя, конечно же, не сводится целиком к этому понятию. Опираясь на первую ступень аксиоматически убедительных догматов о Творце вселенной и переходя далее к ряду более высших догматических ступеней, богословие посредством только что обозначенной научной методологии призвано выражать в человеческих словах и понятиях истины Богооткровения. И наука этого выражения не стоит на месте, но должна проходить свой путь развития и совершенствования. Другое дело – и это приходится также с горечью констатировать, – что мы, подчас формально называясь христианскими богословами, своим мертвящим схоластическим подходом *разнаучиваем*, десциентируем теологию и тем самым даём повод не особо осведомлённым в христианском вероучении людям воспринимать его как нечто закостенелое и противное живой научной мысли. Да и сами термины «догмат», «догма» благодаря этому получили в нашем обиходе всем известный вульгарный

смысл. Однако процесс семантической девальвации и профанации, т. е. *десакрализации*, сопровождавший, по убедительному наблюдению Р. Генона, европейскую культуру нового времени, затронул уже и целый ряд других концептов, таких как, например, *любовь, эрос, духовность*, умертвляя в них изначальное сакраментальное значение.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Но всё же и ещё есть отрадные факты в области богословских интерпретаций. Например, вслед за о. Василием Зеньковским, сторонником представления о т. н. направленной эволюции, всё чаще пробиваются и среди наших православных христиан голоса в пользу непротиворечия дарвиновской теории происхождения видов Божественному креационизму. Вместе с тем конвергенция двух, казалось бы, непримиримых концепций антропогенеза наблюдается и со стороны биологической науки, представители которой всё больше склоняются к эмерджентной теории, предполагающей наличие скачкообразных фрагментов в эволюции видов.

Многие интересующиеся этими темами убеждаются, что никакого подтверждения некоторых привычных экзегетических трактовок как, например, равенства дня творения 24-м часам наших суток, в Священном Предании Церкви не отыщешь. Подобные толкования представляют собой лишь схоластические интерпретации библейских текстов, а ещё проще – церковные лжетрадиции. Впрочем, в своё время даже свт. Феофан Затворник в письме к одной из своих духовных дочерей позволил себе немного поиздеваться над мнением о том, что Бог, создавая человека, вначале сотворил, как выразился святитель, «глиняную тетерьку», а потом в неё что-то вдыхал. Такие понятия, как «земля», «небо», «вода», «твердь», обозначающие некие первичные виды Божественных творений во вселенной, почти всеми христианскими экзегетами, в том числе и свв. Отцами, толкуются как образы, которые в принципе не могут быть тождественными тому, что сейчас мы понимаем под этими словами в нашем материальном мире. Что поделаешь, не было в то время таких терминов, как «праматерия» или «плазма», «метафизическое» или «трансфизическое». Спрашивается, а почему надо обязательно буквально толковать слово «прах», непременно понимая под ним горсть земли? Таким прахом, т. е. субстратом для одухотворения человека вполне могла стать некая особь, возникшая благодаря ускоренной эволюции определённой филогенетической ветви отряда приматов, о чём когда-то писал о. Пьер Тейяр де Шарден. Существование переходного состояния австралопитеков к стадии человека разумного – это не просто научная гипотеза, а факт, подтверждаемый немалым числом найденных черепов с окаменелыми остатками мозга, принадлежащих представителям этого состояния. В настоящее время держаться за ту самую «тетерьковую» интерпретацию также безумно как доказывать, что гелиоцентрическая система Коперника противоречит Библии. Вместе с тем, если переходить к святоотеческой авторитарной аргументации, то необходимо напомнить, что свт. Кирилл Александрийский и преп. Серафим Саровский ясно говорили, что человек долгое время ходил в полуживотном состоянии, прежде чем получил наитие Божественного Духа. Но, быть может, кто-то настолько ненавидит обезьян, что лучшим для себя почитает из куся земли произойти, чем из этого представителя высшей фауны.

Ещё ранее того апостол Пётр, предвосхищая за много веков разработку теории относительности, писал, «что у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (2 Петр. 3, 8). Вместе с тем еврейское слово «йом», которое в первой главе книги Бытия переводится как «день», имеет также значение определённого промежутка времени. Тем же словом, например, в другом месте Библейского текста обозначен сорокалетний период странствия евреев по пустыне. Так спрашивается, на каком основании мы должны отождествлять этот «йом» творения с нашими сутками, если свт. Василий

Великий в своём «Шестоднев» не допускал этого, а свв. Отцы, обсуждавшие вопрос о библейских днях, единодушно приходили к мысли о том, что в настоящее время мы живём именно в седьмом дне – времени Божественного откровения. И в итоге получается, что все эти пережитки ограниченности человеческого понимания библейских фрагментов, с которыми так не хочется расставаться нашей косности, не прославляют Творца вселенной и Его библейское Откровение, а наоборот – унижают в глазах честных искателей истины. В данном случае с ними вполне можно согласиться: такое *крепостное богословие* наукой быть никак не может – это просто обскурантизм, переходящий в откровенное мракобесие, которое к тому же и богословием не имеет право называться. Однако при этом надо напомнить, что и пути различных естественных наук проходили отнюдь не без преткновений и заблуждений. Но мы же сейчас не отрицаем, например, значение термодинамики из-за того, что средневековые учёные объясняли тепловые процессы перетеканием некой жидкости под названием «теплород» из более нагретого предмета в менее нагретый. Просто детство нашей догматической науки несколько затянулось в отличие от других наук. Впрочем, быть может, кто-то решится заявить о том, что

это, мол, только ваши современные христианские мыслители призывают к развитию церковных дисциплин, аналитико-синтетическому осмыслению догматов и переосмыслению сомнительных интерпретаций и толкований. Но ведь святые столпы вашей Церкви думали совсем наоборот и запрещали подключать разум, провозглашая необходимость только веры и повторения слов Писания.

Да ничего подобного!!! По этому поводу свт. Викентий Лиринский пишет следующее:

Полируй драгоценные камни Божественного догмата, придавай им блеск, грацию и прелесть, старайся, чтобы вследствие твоего ясного изложения яснее разумели то, во что верили не так ясно. Достигай, чтобы потомство со знанием славословило то, что прежде древность чтит неосознанно.

А вот призыв к вероучительному философскому исследованию одного из трёх великих вселенских учителей Церкви свт. Григория Богослова, где святитель к тому же успокаивает богобоязненный ум безопасностью возможной ошибки:

Философствуй мне о мире или о мирах... о Воскресении, Суде, воздаянии, страданиях Христовых, ибо в таких предметах и достигать цели бесполезно и ошибаться безопасно.

Хотелось бы заодно сказать, что в академическом курсе нашей догматики можно обнаружить около сорока спорных позиций, по которым пока представлены лишь частные интерпретации, к сожалению, многими воспринимаемые чуть ли не за общецерковное мнение. Однако альтернативные мнения относительно этих позиций имеют гораздо большее обоснование в источниках Священного Предания Православия. Но для разговора об этом приходится ждать лучших времён – времён отмены крепостного права каким-нибудь *патриархом-освободителем*. А пока порою стыдно становится пред господами учёными за нашу троглодитскую догматическую науку, в некоторых своих фрагментах просто дискредитирующую величайший Богооткровенный смысл учения православной Церкви.

Кроме того, на том же богословском фланге продолжается возведение новых крепостных бастионов, архитектурный стиль которых включает в себя как элементы ретро, так и постмодерна. Дело в том, что ведь всё равно как-то просачиваются в печать желающие чего-то там переосмыслить в незыблемой структуре уже давным-давно осмысленного и изложенного в старинных церковных учебниках. А тем более ещё Интернет

на то подстрекает. Нет-нет, кто-то да сунется со своим частным богословским мнением, дабы расшатать давно сложившуюся традицию. Ну, куда это годится? А для того, чтобы все подобные потуги пресечь на корню, выкорчевать как класс, совершенно необходимо каким-то образом обнаружить их противоречие канонам Церкви. И вот оказалось, что 19-е и 64-е правило Трулльского т. н. Пятошестого Вселенского Собора 692-го года запрещают всем, кроме архиереев, иметь частные богословские мнения, а тем более их высказывать. И о том же, как выяснилось, говорят и византийские канонисты XII века, Ф. Вальсамон и И. Зонара. Это что касается укрепления «под старину». Но если кто заглянет в текст самих правил этого Собора, а заодно и в текст указанных комментариев (здесь мы не станем загромождать изложение цитированием этих текстов), то убедится в незаурядной способности современных православных интерпретаторов к деконструкции – способности, не уступающей выдающимся представителям постмодернизма. Нужно обладать незауряднейшей фантазией и предвзятостью, т. е. способностью выдавать желаемое за действительное, чтобы разрушить смысл, прямо просматривающийся в этих канонических источниках, и предложить нечто диаметрально противоположное. Уж даже в таком схоластическом и, что называется, *застойном* учебнике православной догматики середины XIX века митрополита Макария (Булгакова) отношение к частным мнениям выражено достаточно чётко в полном соответствии с канонами Церкви:

Всё, что определёнno преподаёт об известном догмате православная Церковь, – Догматика должна принимать с безусловною покорностию и неприкосновенностию; но чего не определяет о догмате Церковь, о том и богослов, как и всякий христианин, может иметь свои личные мнения, лишь бы только эти мнения были согласны с существом догмата, которое определено Церкви, со всеми другими догматами и вообще учением Церкви, и основывалось хотя сколько-нибудь на Откровении: такое употребление мнений в области православного Богословия освящено примером св. Отцов.

Вот такой, как оказалось, негодий *симулякр* – пережиток церковного либерализма – сформулировал когда-то известный русский догматист. Но ведь антимонопольный комитет в церкви канонами не предусмотрен, а потому всякие вольнодумческие безобразия в эпоху постсоветского крепостного права исправлены его бдительными блюстителями; а значит, богословские размышления дозволяются человеку только после его епископской хиротонии.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

В сфере вероучительного богословия сравнительно нетрудно вычленить церковный инвариант. Догматическая область незыблемого учения Церкви представляет собой три позиции:

- 1) определения (оросы) Вселенских и некоторых Поместных Соборов;
- 2) однозначные свидетельства Священного Писания;
- 3) положения, выражаемые согласием Отцов (*consensus patrum*).

Все же остальные вопросы, на которые ещё нет прямого ответа Церкви, подлежат обсуждениям и вполне допускают дискуссию. Об этом очень хорошо когда-то писал А. С. Хомяков:

То, что вся Церковь высказала, тому верить безусловно, знать, что всё, что она когда-нибудь выскажет, будет безусловно истинно, но что она ещё не высказала, того за неё не высказывать авторитетно, а стараться самому уразуметь, со смирением и искренностью, не признавая впрочем над собою ничьего суда, покуда Церковь своего суда не изрекла.

Очевидно, что догматическое развитие Церкви не закончилось эпохой Вселенских Соборов, и во втором тысячелетии христианства в Византии на Поместных Соборах был рассмотрен целый ряд вопросов, получивших вероучительные разрешения. Это вопросы о том, Кто же принимает искупительную Жертву Сына Божиего (1157 г.), о характере исхождения Святого Духа через Сына (1285г.), о нетварности Божественных энергий (1341 г.) и др. Как известно, возникшая уже в XX веке в России острейшая тема богословского определения имени Божиего тоже была вынесена на рассмотрение Поместного Собора 1918 г., но разрешению её помешал большевистский переворот. Получается, что определённый этап церковной истории в среде живой развивающейся христианской мысли создаёт условие для обострения интереса к тому или иному богословскому вопросу. А появление различных вариантов ответа на этот вопрос естественным образом ставит богословов перед необходимостью его соборного обсуждения и вынесения церковных определений в области рассматриваемой темы.

Подобную концепцию догматического развития обозначил в своё время католический кардинал Ньюман, и с ней трудно не согласиться. Почему наша эпоха должна признаваться исключением, которое вдруг подвело черту под существующей на сегодня догматической областью Православия? Но тогда останется просто директивно запретить всякие богословские обсуждения, дабы не провоцировать никого на попадание под анафему. Однако такого рода прецедент уже показал себя в связи с вопросом о количестве воле у Иисуса Христа. Когда-то византийский император Констант решил просто избавиться от проблемы, издав декрет под названием «Типос», где просто под страхом суровых наказаний запрещались любые обсуждения этой болезненной темы. Ничего хорошего из подобного шага, как показала история, не вышло: споры о волях во Христе набирали, несмотря ни на какие запреты, ещё более крутые обороты.

По словам апостола Павла, «Надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные» (1 Кор. 11, 19). Выходит, что Господь чуть ли не специально попускает разномыслия с целью выявить искусных. Вполне возможно, что под словом «искусные» понимаются, в первую очередь, сами толкования и объяснения каких-то богооткровенных истин, а не их авторы. При этом разномыслия становятся условием, своего рода «хворостиной», которой Господь подхлестывает умственную лень христиан к труду выражения в слове познанных ими неизреченных в своей полноте Таин. Единственно, что никакие разномыслия не должны доводить христиан до церковных разделений, от которых категорически предостерегает апостол. Разделения же легко возникают в том случае, когда до церковного обсуждения кто-то присваивает себе право на квалификацию чужого мнения как неправомыслия, т. е. ереси.

В данной связи хотелось бы обратить внимание современных ересеборцев на то, что это увлекательное занятие отнюдь не так безобидно, как может показаться на первый взгляд. Здесь, к сожалению, кроется не только этическое безвкушие, но и более серьёзная нравственная опасность, способная вызвать осложнения в личной духовной жизни огульного ревнителя, как на этом свете, так и за его пределами. Здравомыслящим христианам хорошо известно, что Господь будет судить человека его же собственным судом (Мф. 7. 2). Но если ересеборец пусть даже ошибочное мнение своего ближнего, исповедующего все церковные догматы, называет ересью, то тем самым он определяет суд самому себе. Это значит, что любое собственное отклонение от истины в вероучительных взглядах ересеборца станет для него самого не просто ошибкой, которую свт. Григорий Богослов считал простительной, а именно грехом ереси.

Да, некоторые из свв. Отцов могли дерзновенно клеймить лжеучения и еретиков фактически от лица Церкви. Но право на это давала им личная духовная высота, постав-

ляющая подвижника на вершину благодатного созерцания и ведения истины. Одной рассудочной оценки здесь отнюдь не достаточно. Кстати, чуть ли не все известные ересиархи с позиции своих лжеучений с достаточной логичностью и с не меньшей ревностью за чистоту веры искренне боролись с православными истинами как с ересью. И почему-то современные ересеборцы, не потрудившись подъять на себя и тысячной доли подвигов великих аскетов, считают свои мнения полностью созвучными истине и духу, в котором богословствовали именно светила Церкви, а не еретики. Подобная претензия на конгениальность чистым богословским умам скрывает в себе незаурядную гордыню и серьёзный пробел в самопознании.

Действительно не ясно, для чего подвергать себя риску вынесения суда от лица Церкви, когда можно просто заявить о своём несогласии с чьей-то точкой зрения, приведя свои доводы тоже в порядке частного богословского мнения. Когда православный христианин, рассуждая о вопросах имплицитной вероучительной области, скажет: «я так думаю», «мне так кажется», то в этом его тоне звучит гораздо больше смирения, нежели в словах «я ничего не говорю от себя, а только то, что свидетельствует учение Церкви и свв. Отцы». Да где, спрашивается, гарантия, что те самые Отцы в данном конкретном контексте сказали бы именно так, а не иначе? Когда же мы указываем на собственный разум как источник мысли, то непременно предполагаем вероятность ошибки, которая в грядущем может быть исправлена Церковью. И в таком случае само собой отпадает желание поносить чужие богословские мысли как ересь.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

Дизъюнктивные модели, предлагающие во многих вероучительных вопросах вместо антиномического синтеза «и – и» логическую дилемму «или – или», часто оказывались еретическими. Арианство, тритеизм, несторианство, монофизитство и многие другие лжеучения фактически избавлялись от логических антиномий не путём синтеза, а посредством отрицания одного из двух противостоящих тезисов. При этом ключевые Соборные вероопределения свидетельствуют именно о конъюнктивном характере многих догматических положений.

Начатая Платоном и формально завершённая Гегелем диалектика, схематизирующая ход человеческих рассуждений по формуле «тезис – антитезис – синтез», даётся свыше нашему рассудку как инструмент постижения и выражения богооткровенных истин. Бог есть и Троица в Лицах, и Единица по сущности. Иисус Христос и Бог, и человек. Бог и непознаваем в Своей сущности, и познаваем в Своих энергиях. Спаситель и приносит искупительную Жертву, и принимает её. В космологии же представления эволюционной теории происхождения видов, как оказывается, не только не противоречат Божественному креационизму, но особо возвеличивают мудрость Творца, вложившего в Свои живые творения способность к видовому развитию и совершенствованию во времени.